

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ДЖОРДЖИНА КРОСС

ТРЕБУЕТСЯ

НЯНЯ

Психологический триллер (АСТ)

Джорджина Кросс

Требуется няня

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Кросс Д.

Требуется няня / Д. Кросс — «Издательство АСТ»,
2021 — (Психологический триллер (АСТ))

ISBN 978-5-17-145515-6

Жизнь в роскошном пентхаусе в центре Нью-Йорка, щедрая зарплата и масса других преимуществ. А нужно всего лишь присматривать за маленькой девочкой, которой нет еще и четырех... Не работа, а мечта для Сары Ларсен – девушки из небольшого городка, приехавшей, как и тысячи других, покорять Нью-Йорк и отчаянно нуждающейся в деньгах. Есть только одна загвоздка – жесткий контракт о неразглашении, который ей придется подписать. Сара и представить не могла, какие тайны состоятельного семейства могут ей открыться. Но назад дороги нет, а Бэрды, кажется, готовы на все, чтобы новая няня надолго осталась в их доме...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-145515-6

© Кросс Д., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	47
Глава 10	49
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Джорджина Кросс Требуется няня

© Georgina Cross, 2021

© Перевод. А. Загорский, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Посвящается Николь Энджелли, без чьей дружбы и советов роман «Требуется няня» не был бы той книгой, которой он является сегодня. Спасибо.

Глава 1

Дети весело болтают. Некоторые из них тихонько поют, кто-то вертит головой и осматривает комнату, держа в руках леденцы и время от времени оглядываясь на своих мам. Мамы перемещаются по комнате за приоткрытыми двойными французскими дверями.

Двери со щелчком затворяются.

В течение нескольких секунд после этого дети выглядят обеспокоенными: уголки губ у них опускаются, они прекращают лизать леденцы. Они совсем еще малыши – им по три-четыре года. Их маленькие тела напрягаются от чувства тревоги, вызванного тем, что их матери куда-то исчезли. Но тут в комнату с улыбкой на лице входит какая-то незнакомая женщина, и детские лица разом оживляются. Женщина красива. Вокруг ее шеи ожерелье из бриллиантов, каждый из которых размером с шарик жевательной резинки. От нее исходит восхитительный запах духов.

Какое-то время дети молча с восхищением смотрят на нее, а затем их охватывает смущение. Они никогда раньше не видели эту женщину. До сегодняшнего дня у них не было никакого повода для посещения ее апартаментов в Верхнем Уэст-Сайде.

Но я знаю Колетт. Я работаю на нее, хотя скоро с этим будет покончено. После того как минует сегодняшний день, я перестану быть няней ее дочери.

Колетт раздает детям новые сладости, и робкие улыбки малышей становятся шире. У многих из них уголки губ вишнево-красные – краситель от уже съеденных леденцов. Женщина указывает детям на целое облако из воздушных шаров, висящих в воздухе, и малыши радостно хихикают. Затем Колетт рассказывает им про приготовленный по случаю дня рождения праздничный торт, который скоро принесут: в нем четыре ванильных коржа отделены друг от друга прослойками из клубничного мороженого. После этого дети рассаживаются по местам вокруг стола, окончательно забыв про своих мам. В течение какого-то времени Колетт тоже выглядит счастливой и довольной.

Но затем она бросает на меня взгляд, от которого возникает такое ощущение, будто мне за шиворот сунули несколько кусочков льда.

Колетт хочет, чтобы я осталась.

Дети сидят по обеим сторонам стола лицом друг к другу – четыре девочки и двое мальчиков. Их буквально выдернули с игровой площадки, на которую я наткнулась несколько дней тому назад. Я побывала в нескольких парках, но эта площадка оказалась единственной, где мамочки согласились принять приглашение на день рождения к незнакомому им ребенку.

Поначалу они смотрели на меня с изумлением и спрашивали: *Зачем это? Неужели у девочки, о которой я им рассказала, нет друзей в школе?* Вероятно, кто-то из них принял меня за сумасшедшую, а кто-то решил, что это какая-то шутка. Но после того как я раздала им пригласительные открытки с адресом, они пообещали прийти ровно в три часа дня. Уверена, что наличные деньги, которые я им вручила, тоже помогли.

Праздник проходит в комнате, которая обычно используется для роскошных званых обедов, устраиваемых для высокопоставленных гостей – они время от времени бывают в доме. Но не сегодня – сегодня все по-другому. Высокопоставленные гости появляются здесь в последнее время все реже – а 10 июля их не приглашают никогда.

Сегодня на Западной Семьдесят восьмой улице радушно принимают только детей.

Я внимательно оглядываю стол и вижу, что малыши снова начинают нервничать. Они вертятся на стульях и просят, чтобы им принесли торт. Терпение этих ребятшек иссякает в какую-то миллисекунду. Их крики и беспокойные движения превращают комнату в бомбу замедленного действия с запущенным часовым механизмом.

Колетт тоже выглядит возбужденной. Она нервно разглаживает скатерть. Руки ее подергивают, а когда она снова украдкой бросает взгляд на дверь, нижнее веко начинает заметно подергиваться от тика.

Где же именинница? Почему она задерживается?

Колетт вскакивает и торопливо наполняет чашки гостей соком, затем суетливо поправляет стоящую в центре стола вазу с цветами. Когда Колетт такая – резкая, стремительная, нервы на пределе от кофеина и бог знает чего еще, – она напоминает мне птичку в клетке. Совсем крохотную, с блестящими бусинками глаз, то садящуюся на жердочку, то снова соскакивающую с нее.

Птичка Колетт. Она вышла замуж за мужчину, чья фамилия как нельзя лучше ей подходит¹. Ее избранник – член одного из самых богатых семейств в Нью-Йорке. Именно его высокий уровень благосостояния позволяет Колетт устраивать мероприятия вроде того, которое проходит в комнате сейчас. И оно же дает ей возможность организовывать их без каких-либо последствий.

Я смотрю на свои часы. До конца праздника остается еще час.

Шум в комнате стихает, свет становится более приглушенным. И вот вносят торт. Домработница подкатывает тележку с ним к столу. Дети разражаются радостными возгласами и, отложив свои леденцы, хлопают в маленькие ладошки.

Одна из девочек вслух громко пересчитывает свечки на торте:

– Одна, две, три, четыре. А мне тоже четыре года!

Девочка недоуменно оглядывается. То же самое делают и другие гости.

Где же именинница?

Колетт смотрит на дверь. Я почти слышу, как у нее учащается сердцебиение. Следуя ее примеру, маленькие гости тоже устремляют взгляды в сторону входа в обеденный зал. Колетт бросается к стулу, стоящему во главе стола, на который она нарочно не стала никого сажать, и немного отодвигает его назад. Затем она всматривается в залитый ярким светом небольшой участок коридора, который виден из комнаты.

– Подождите еще немножко... – произносит она и шумно втягивает воздух. – Теперь это может произойти в любой момент...

И тут...

Внезапно раздавшийся где-то в соседней комнате шум начинает приближаться. Колетт выглядит так, словно у нее только что вырвали сердце из груди...

ТРЕБУЕТСЯ НЯНЯ

Западная Семьдесят восьмая улица, дом 101.

Договориться о собеседовании можно по номеру 212-555-0122.

Оплата еженедельно.

Важнейшее требование – конфиденциальность.

Необходимо соблюдение особых условий.

¹ Фамилия Колетт – Бэрд (Bird), что в переводе с английского означает «птица». (Прим. перев.)

Глава 2

– Как насчет того, чтобы мне наняться няней?

Я помахиваю рекламной листовкой, которую сняла с доски объявлений в вестибюле нашего дома.

Джонатан переводит взгляд на меня. На подбородке у него заметно отросла щетина – с утра он еще не брился. Волосы на голове торчат в разные стороны. Однако я не могу не отметить, насколько он хорош, даже когда выглядит небрежно. Мне кажется, это лишь придает ему, мужчине, который в недалеком будущем станет моим мужем, особое очарование. Почувствовав, куда именно устремлен мой взгляд, он потирает подбородок. Мне хочется поцеловать его именно в то место, которого он коснулся, прямо в крохотный белый шрам, и ласково провести пальцами по его щеке.

– А ты когда-нибудь работала няней? – спрашивает он.

– Мне приходилось сидеть с детьми, когда я училась в школе.

– И ты считаешь себя достаточно квалифицированной для такой работы?

– Мне выдали сертификат.

– И когда это было? Десять лет назад? – поддразнивает меня Джонатан.

– Не будь таким занудой. – Я шутливо пихаю его локтем в бок. – В листовке про квалификацию и сертификат нет ни слова.

Джонатан забирает у меня листовку.

– Ну-ка, дай посмотреть.

Мы лежим в постели, которая чуть позже – в сложенном виде – превратится в скромных размеров диван, что сделает нашу крохотную квартирку площадью в триста квадратных футов² хоть немного просторнее. Мы оба опираемся спинами на подушки, наши ноги в пижамных штанах вытянуты вперед. Чашка с кофе, который каждое утро готовит для меня Джонатан, стоит на полу рядом с диваном, так что я могу до нее дотянуться.

Джонатан читает объявление на листовке, которое состоит из четырех строк.

– Что бы это могло означать: *важнейшее требование – конфиденциальность*?

– Ты хочешь сказать, что это самая интересная часть объявления? – Я забираю у Джонатана листовку. – Думаю, оно написано от имени какого-то известного человека – или занимающего высокое положение. Об этом говорит даже адрес – Западная Семьдесят восьмая улица.

– В листовке ничего не говорится о количестве детей. Их может быть дюжина.

– Сомневаюсь.

– Или речь идет о грудном ребенке. – Джонатан коротко вздыхает: – Ты знаешь, как нужно обращаться с младенцами?

Мне невольно вспоминается мое собственное детство. Я была единственным ребенком в семье и страдала от одиночества, а воспитывала меня тетка. Потом мне на память приходят десятилетние близнецы, за которыми я присматривала, когда училась в средней школе. Мы с Джонатаном действительно планируем пожениться, но до того, чтобы заводить собственных детей, нам с ним еще очень далеко.

– Как-нибудь разберусь, – говорю я.

– Да и вообще – зачем тебе менять работу? Я думал, тебе нравится в «Очаге».

Я вздыхаю. Мне на самом деле нравится в «Очаге», ресторане, который расположен на углу Восточной Тринадцатой улицы и Первой авеню. Мы с Джонатаном оба там работаем. Именно Джонатан помог мне туда устроиться несколько месяцев назад, хотя мы уже были помолвлены – об этом он владельцу не сказал. Пол, однако, каким-то образом об этом узнал

² Около 28 кв. метров.

и провел с нами «серьезный разговор». Он предупредил, что не желает, чтобы мы во время работы занимались выяснением отношений, и что ему не нужны скандалы. Мы с Джонатаном заверили его, что беспокоиться не о чем – мы никогда не ссоримся.

– Я могу работать на двух работах, – говорю я Джонатану. – На должности няни в дневное время, а в ресторане вечерами и по выходным.

– Но ты уже пропустила две смены.

– Это было на прошлой неделе.

– Пол все это отслеживает.

– Ничего он не сделает – только грозитя.

Джонатан искоса смотрит на меня.

– Знаешь, – говорит он, – у меня возникли проблемы, когда я не привел в порядок зону, за которую отвечаю. Пол из тех парней, которые реально увольняют людей после трех проколов.

– Вот увидишь, моя схема сработает.

– Ты так говоришь, словно должность няни уже у тебя в кармане.

– Просто я мыслю позитивно, разве не так? – Я поворачиваюсь к Джонатану: – И вообще, что ты так переживаешь?

– Я переживаю потому, что помимо риска потерять хорошую работу в ресторане...

– Ничего не случится.

– ...ты еще и ничего не знаешь о семье, которой требуется няня. А что, если они какие-нибудь психи?

– По крайней мере, они будут платить мне деньги, – говорю я и указываю пальцем на адрес в листовке: – Причем, судя по всему, неплохие.

Теперь вздыхает Джонатан:

– А что, если папаша, глава семейства, начнет к тебе приставать?

Я едва не давлюсь глотком кофе и вытираю ладонью попавшие на щеку и на подбородок капли.

– Нет, я серьезно, – продолжает Джонатан. – О таких вещах слышишь то и дело. Богатенький топ-менеджер, который не дает прохода молоденькой, красивой няне – таких историй полным-полно.

Я несколько раз кокетливо взмахиваю ресницами:

– А, так ты считаешь, я красивая?

– Конечно, ты красивая. И ты молодая – тебе всего двадцать пять.

Я демонстративно закатываю глаза:

– Слушай, я ценю то, что ты за меня беспокоишься, но мне кажется, ты немного сгущаешь краски.

Однако Джонатан не успокаивается.

– Послушай, разве тебе не кажется, что дополнительные деньги будут очень кстати? – спрашиваю я. – С этим ведь ты не будешь спорить, не так ли?

Джонатан отводит глаза, и его брови сходятся к переносице.

– Да, дополнительные деньги нам сейчас не помешают – они действительно нужны, в этом нет сомнения, – говорит он и умолкает. Я знаю, что в этот момент он думает о наших долгах. О стопке конвертов с ярко-красными печатями «Просрочено», которая лежит на стойке в прихожей. О нашей свадьбе, которую мы хотели бы устроить в этом году, если только у нас будут на это средства. О том, что нам постоянно приходится жить от зарплаты до зарплаты.

Мы какое-то время молчим. Я задумчиво покусываю нижнюю губу, а Джонатан еще раз перечитывает текст листовки с объявлением.

– Ты в самом деле готова работать на двух работах? – спрашивает он через некоторое время.

– Думаю, у меня нет выбора.

– Знаешь, я ведь тоже мог бы найти вторую работу.

Я сжимаю локоть Джонатана и ощущаю в груди теплую волну – мне понятно, что он на самом деле сделал бы это в мгновение ока, если бы у него была такая возможность. Но он уже работает в «Очаге» и берет на себя больше смен, чем кто бы то ни было, и готов при случае взвалить на себя еще больше обязанностей. Нет, говорю я сама себе, еще об одной работе для Джонатана и речи быть не может. Это я должна поднапрячься. Он не обязан оплачивать мои счета и вытаскивать нас обоих из долговой ямы. Передо мной уже не раз вставал вопрос о банкротстве. Вероятность такого развития события на сегодняшний день очень высока, и может случиться так, что совсем скоро это окажется неизбежным, поскольку другие варианты станут для меня невозможными. Подумав об этом, я невольно вздрагиваю. Честно говоря, в те моменты, когда Джонатан не смотрит на меня, я кусаю губы, чтобы не заплакать. Мне не хочется, чтобы он запаниковал еще больше – этого лучше избегать.

Джонатан толкает меня плечом.

– А ты не хочешь вернуться к учебе? – спрашивает он.

Я напрягаю мышцы и вжимаюсь в подушку.

– Да, конечно. Мы оба этого хотим. Но мы не говорим на эту тему, и ты это знаешь.

Джонатан приоткрывает рот, чтобы что-то сказать, но не произносит ни слова. Этот спор он уже проигрывал множество раз. Мы не можем позволить себе обучение. Если трезво смотреть на вещи, правда состоит в том, что, живя в Нью-Йорке, мы, хотя и крутимся как белки в колесе, с трудом покрываем расходы на аренду жилья, оплату коммунальных услуг и покупку продуктов – и это все.

Хотя я и была близка к получению диплома, путь к которому начала несколько лет назад еще дома, в Вирджиния-Бич, и с энтузиазмом смотрела в будущее, ожидая, что мои эскизы окажутся интересными миру большой моды, смерть тети Клары положила конец всем этим планам. Мне пришлось поднять белый флаг и отказаться от них. Поток счетов за лечение тети привел к тому, что оплата моей учебы в колледже стала невозможной. Мне пришлось пойти на работу, так что я убрала в дальний ящик мои эскизы вместе с мечтами и бросила занятия.

Однако еще через пару лет, которые я провела за приготовлением в пляжном баре замороженных дайкири для туристов, я убедилась перебраться в Нью-Йорк, город, который тетя Клара любила и в который всегда мечтала вернуться.

Как-то она сказала мне: «Это место, где возможно все что угодно. Мне никогда не было так хорошо, как тогда, когда я жила там». И хотя я не знала в Нью-Йорке ни единой души и совершенно не представляла, как и где найти новую работу, мне почему-то показалось, что переезд туда – это гораздо лучше, чем сонная жизнь в Вирджиния-Бич.

Так что я убедилась, что если уж мне придется работать, то я смогу хоть что-то откладывать после оплаты счетов больницы Святого Джона и хосписа. К тому же я буду жить в городе, где меня будет окружать мир моды, где по улицам ходят самые популярные дизайнеры, а люди одеваются согласно трендам, где буквально на каждом углу бутики и шоурумы домов моды – а значит, в Нью-Йорке меня может снова посетить вдохновение. И даже если мне придется долгие годы работать официанткой и обслуживать столики в ресторанах, мне все же удастся вернуться к учебе.

Я просто не представляла, что жизнь в Нью-Йорке окажется настолько дорогой.

Знакомство с Джонатаном помогло мне. Дело не только в квартире, но и в работе в «Очаге». Он знает, в какой трудной ситуации я нахожусь. Он своими глазами видит, как растет стопка счетов в прихожей. Он слышит, как по несколько раз в неделю я по телефону уговариваю коллекторов еще немного подождать, и знает, какой неудачницей я чувствую себя после этих разговоров. В таких случаях он всегда обнимает меня и советует дышать глубже. Он говорит мне, что все образуется и что вместе мы найдем возможность выпутаться из тяжелого

положения, хотя до сих пор нам этого не удалось. Во всяком случае, до того момента, как я нашла листовку с объявлением о найме няни.

– Интересно, сколько сейчас зарабатывают няни? – спрашивает Джонатан. Я смотрю на него, и в душе у меня зарождается надежда, что он все же найдет в себе силы смириться с тем, что я буду присматривать за чьими-то детьми.

– Точно не знаю, но в любом случае эти деньги здорово нам помогут – особенно если мне удастся сохранить работу в ресторане.

– Что ж, будем надеяться. Я сам хочу, чтобы мы смогли продолжить работать вместе.

Я улыбаюсь. Мой жених – настоящий романтик. В этом городе их по пальцам можно пересчитать – и мне удалось подцепить одного из них.

Тетя Клара всегда говорила мне, что я должна быть разборчивой. *Не влюбляйся в парня, если ты не являешься для него главным приоритетом в жизни.* Я давно поняла, что влюбилась в Джонатана. Он для меня все – как, впрочем, и я для него. Мы идем по жизни рука об руку – каждый из нас тыл для другого. Как бы мне хотелось, чтобы тетя Клара могла с ним познакомиться и увидеть, как я счастлива!

Она тоже когда-то была влюблена. Тетя ничего мне об этом не рассказывала – только то, что это случилось, когда она жила в Нью-Йорке. Но по блеску ее глаз нетрудно было понять, насколько сильным и глубоким было ее чувство.

На самом деле она мне практически ничего об этом не говорила, но у меня сложилось впечатление, что роман тети Клары закончился из-за меня. Когда родители умерли, забота обо мне легла на ее плечи и резко изменила всю ее жизнь. Тетя покинула Нью-Йорк, оставила своего возлюбленного, переехала в Вирджинию и занялась моим воспитанием. При этом она постоянно твердила мне, что в конце концов любовью всей ее жизни оказалась я.

И вот теперь я живу в огромном городе, в который моя тетя так хотела вернуться, и планирую свою свадьбу. Я собираюсь связать свою жизнь с человеком, который желает мне добра и хочет, чтобы я была счастлива. Но по тому, как он сейчас смотрит на меня, проигрывая в голове возможные варианты развития событий, я могу сказать, что Джонатан всерьез обеспокоен тем, что меня, возможно, ждут серьезные жизненные трудности.

Если я потеряю работу в «Очаге», а в дневное время стану работать няней, мы будем проводить вместе очень мало времени – учитывая то, что Джонатан все вечера и выходные вынужден будет торчать в ресторане. Мы превратимся в два корабля, расходящиеся в ночи встречными курсами, и он этого не хочет.

Я решаю хоть немного обнадежить его:

– Может быть, нянчась с детьми, я буду зарабатывать достаточно, чтобы закрыть мои долги – или, по крайней мере, перестать копить новые. Тогда я смогу через какое-то время вернуться к учебе, а потом устроиться на нормальную работу с нормальной зарплатой и заняться тем, чем я на самом деле хочу заниматься. И ты тоже сможешь снова пойти учиться. Будет здорово, правда? Разве ты не этого хочешь?

– Ну конечно, – с улыбкой отвечает Джонатан. Затем выражение его лица становится серьезным: – Конечно, я хочу этого для тебя. Для нас. – Он снова внимательно рассматривает рекламную листовку. – Значит, Западный Уэст-Сайд, а? – Джонатан вертит листок бумаги в руке. – Звучит заманчиво.

Я киваю и в семисотый, наверное, раз пытаюсь представить себе, как будет выглядеть квартира, где я буду работать няней: швейцар у дверей, венецианский мрамор, шелковые занавески с кисточками по краям. Потом в моем воображении возникают холеные старшие члены семьи, степенно шагающие по улице. За ними следую я с детьми – послушными и изумительно красиво и дорого одетыми.

– Как ты думаешь, кто-нибудь еще из живущих в этом здании будет претендовать на эту работу?

Я моргаю, и нарисованная моей фантазией картинка, изображающая идеальную семью, мгновенно исчезает.

– Я про листовку, – поясняет Джонатан. – Сколько их было там, где ты взяла эту?

Я растерянно смотрю на листок бумаги у него в руке:

– Эта была последняя.

Как только эти слова слетают с моих губ, я чувствую неприятный холодок в животе.

Не знаю, по какой причине, но я не говорю Джонатану, что листовка, которую я прихватила в вестибюле, была не последней, а скорее единственной. Я долго ждала, пока Джонатан проснется, чтобы рассказать ему о ней. Накануне вечером я, спускаясь вниз по лестнице, видела, как кто-то прикреплял листовку к доске объявлений. Мне удалось рассмотреть только затылок этого человека – он почти сразу же вышел на улицу.

Я пыталась навести справки по телефону, раздобыть какую-то еще информацию про эту работу помимо тех скудных сведений, которые были указаны в объявлении. Но мне ничего не удалось разузнать – ни на портале объявлений под названием «Список Крейга», ни на других ресурсах по трудоустройству. Все говорило о том, что информация о вакансии распространялась не через интернет и специализированные издания, а исключительно частным образом.

И тут меня осенило: наверное, члены семьи, которой потребовалась няня, люди настолько скрытные и не любящие огласки, что они решили отправить курьера, чтобы он обошел улицы Ист-Виллидж и развесил объявления вручную, а не искал подходящую кандидатуру через интернет. Таким образом, наниматель получает возможность ограничить количество людей, знающих об открывшейся вакансии, а следовательно, и сократить число потенциальных кандидатов.

Это также позволяет нанимателю лично удостовериться в том, что те, кого вакансия интересует, действительно отвечают *особым условиям*, о которых говорится в объявлении.

Глава 3

Пока Джонатан принимает душ, я звоню по номеру, указанному в объявлении. Трубку снимает мужчина, и поначалу это меня удивляет – я ожидала, что на звонок ответит женщина. Я все-таки отстала от жизни.

Мой телефонный собеседник сразу же поясняет, что няня нужна его младшей сестре. *Уже неплохо – получается, что ребенок всего один.* Начало на самом деле хорошее. Мужчина говорит, что он старший брат: судя по голосу, разница в возрасте у него с сестрой очень большая.

– Дело в том, что я сейчас говорю от имени моей мачехи, – говорит он. – Мой отец женился вторично, и у них с новой женой родилась дочь.

Я чувствую прилив благодарности к нему за это разъяснение и думаю, что он, должно быть, очень милый человек, раз принимает такое активное участие в жизни своей маленькой единокровной сестры. И правда, многие ли единокровные старшие братья вели бы себя так в аналогичной ситуации?

Мужчина представляется как Стивен Бэрд, и мне кажется, что он с искренним интересом выслушивает меня, пока я рассказываю о причинах своего переезда в Нью-Йорк и о том, что как раз сейчас я ищу новую работу. Разумеется, я не упоминаю о том, что обслуживаю столики в ресторане «Очаг» в качестве официантки. Мне нужно, чтобы он думал, будто у меня масса свободного времени, которое я буду рада посвятить его маленькой сестренке.

Спустя несколько минут он предлагает мне прийти на первое собеседование на следующее утро, несмотря на то что завтра воскресенье, и я с радостью соглашаюсь. Мой собеседник дает мне шанс, реальный шанс устроиться на работу, и при этом ни разу не спрашивает о том, есть ли у меня опыт ухода за детьми.

– В одиннадцать утра, – говорит он, завершая наш разговор. – Консьерж покажет, где лифт, на котором вам нужно подняться на последний этаж.

* * *

Утром, прощаясь, я целую Джонатана, а он дважды сжимает мою руку. Мы всегда делаем так перед тем, как каждый из нас отправится по своим делам. Одно пожатие руки означает, что Джонатан меня любит, второе – что он будет думать обо мне. Впервые он сделал это, когда мы расставались после нашего первого свидания. Помню, я тогда искренне поверила в то, что он действительно захочет снова меня увидеть, и от прикосновения его пальцев на сердце у меня стало тепло и хорошо.

Выйдя из подъезда на тротуар, я глубоко вдыхаю воздух Нью-Йорка, наполненный тысячей запахов. Мне все нравится в этом городе – его бешеный ритм жизни, его энергия, то, как он выглядит и как пахнет. Я люблю заведение «У Томми», где продают навынос умопомрачительно вкусную пиццу, обильно сдобренную сыром и грибами, и еврейскую пекарню, где можно попробовать камишбройт – кексы с грецкими орехами, какао и корицей. Люблю автоматическую прачечную, где господствует запах стирального порошка с примесью горьковатого дыма сигарет «Парламент» от кого-то из посетителей, и цветочный киоск, снаружи утопающий в зарослях цветущей глицинии, а внутри заставленный горшочками с гиацинтами.

На углу я вбегаю в магазинчик, где продают багеты, рогалики и сэндвичи, и, купив нам с Джонатаном еды для завтрака, тут же снова выскакиваю на улицу. Мой жених, оставшийся дома, тем временем готовит нам кофе. Я приношу домой бутерброды с яйцом и рогалики с авокадо и кунжутом.

Единственное, к чему я не смогла привыкнуть за два года жизни в Ист-Виллидж, – это шум. С самого утра улицы здесь забиты грузовиками служб доставки и такси, громко сигналящими на каждом шагу, и велосипедистами в ярких спортивных куртках и рваных джинсах, в наушниках и с рюкзаками, сдвинутыми на грудь, – они добавляют в уличную какофонию пронзительные звуки велосипедных звонков.

Станции подземки тоже набиты битком. Здесь мои уши терзает беспрестанное попискивание считывающих устройств и металлическое клацанье турникетов. Мне в лицо ударяет поток воздуха – это на большой скорости с оглушительным ревом к станции подкатывает поезд, курсирующий по линии L. Меня окружает целое море людей. Головы их наклонены. Кажется, что они молятся, но на самом деле они просто смотрят на экраны своих мобильных телефонов. В вагонах полно тех, чьи рабочие смены приходятся на воскресенье, туристов, студентов колледжей, едущих на учебу, и просто жителей города, которые вместе с семьями решили выбраться в город. В глубине этой людской массы скрыта и я. Сегодня я отправляюсь в ту часть Манхэттена, где бываю крайне редко – просто потому, что для этого обычно нет никаких причин.

Проехав несколько остановок, в том числе ту, где можно пересесть на поезд, курсирующий по линии 1, я поднимаюсь на поверхность и оказываюсь на улице. Тишина и покой, царящие в этой части города, удивляют меня – настолько место, где я оказалась, не похоже на Ист-Виллидж с его шумом и толчеей. Это и есть Верхний Уэст-Сайд. У меня создается впечатление, что время здесь если и не остановилось, то, по крайней мере, замедлило свой бег. На нешироких улочках царит атмосфера какого-то сонного покоя, совершенно нехарактерная для остального Нью-Йорка. Мне невольно приходит в голову мысль, что деньги действительно дают людям возможность обосноваться в самом настоящем заповеднике, где можно без помех наслаждаться жизнью.

Прежде чем мимо проезжает первая машина, я успеваю досчитать до десяти. Еще десять секунд проходят до того момента, когда я встречаю на своем пути первого пешехода – это попыхающий трубкой пожилой джентльмен со сложенной под мышкой газетой. Он явно никуда не торопится.

Кроны деревьев отбрасывают на тротуар густую тень. Из одного из выстроившихся вдоль улицы особняков, сложенных из песчаника, выходит женщина и запирает за собой выкрашенную в темно-бордовый цвет дверь. Крутящийся у ее ног песок, похоже, помесь болонки и пуделя, натягивает поводок и к чему-то принюхивается.

Я тоже делаю глубокий вдох и выдох – мне нравятся тишина и покой вокруг. Район, в котором я оказалась, кажется обособленным – и, конечно же, здесь явно обитают люди состоятельные. Все говорит о том, что местные жители не любят, чтобы их беспокоили по пустякам.

Когда, обогнув квартал, я сворачиваю за угол, архитектура заметно меняется. Причудливых форм дома из известняка уступают места массивным строениям с помпезными фасадами и арочными окнами. Среди них я нахожу на Западной Семьдесят восьмой улице строение с нужным номером. Как я и представляла себе, у входа под зеленым тентом стоит консьерж в темно-синей униформе и белоснежных перчатках. Он слегка покачивается на каблуках своих тщательно начищенных черных ботинок.

Я чуть ослабляю плотно закрученный на шее шарф, заправляю за уши свои слегка растрепавшиеся русые волосы и замедляю шаг. Затем бросаю взгляд на верхний, двенадцатый этаж дома. Это пентхаус. Гнездышко семьи Бэрдов.

Я чувствую холодок в животе от накатившей волны нервного напряжения.

– Я могу вам помочь? – спрашивает консьерж.

Он огромен: рост по меньшей мере шесть футов четыре дюйма, вес больше двухсот фунтов, широченные плечи и грудь – как у игрока в американский футбол, занимающего позицию полузащитника. При таких габаритах он вполне мог бы быть вышибалой или титулованным бодибилдером, а не консьержем – я готова биться об заклад, что ему порядочно надоела

его работа, состоящая в том, чтобы сутками торчать у дверей дома на этой тихой, спокойной улочке.

Перед тем как заговорить, я откашливаюсь – мне даже кажется, что у меня внезапно пропал голос.

– У меня договоренность о встрече с семьей Бэрд.

Консьерж берет за ручку двери подъезда.

– Апартаменты 12-А, на самом верху.

По идее, мне надо бы быть с ним более любезной и попытаться, пользуясь возможностью, расспросить его – в конце концов, он должен знать, что за люди эти самые Бэрды. Не исключено, что он мог бы снабдить меня полезными подробностями. Мать девочки – какая она? А отец? Вдруг он какой-нибудь извращенец, как опасался Джонатан? А девочка – что, если она ужасно капризная? Может, эти Бэрды только и делают, что одну за другой нанимают нянь и тут же их увольняют.

Но я не произношу ни слова. Вместо этого, когда консьерж распахивает передо мной дверь подъезда и ждет, пока я войду, делаю глубокий вдох и выдох, собираясь с духом.

Ну же, давай, Сара. Возьми себя в руки.

Шагнув вперед, я чувствую поток теплого воздуха. Я словно ощущаю дыхание дома, позволяющего мне войти внутрь. Дверь с легким щелчком затворяется, и консьерж остается по другую сторону от нее, на улице. Глядя на него через стекло, слышу, как он произносит:

– Удачи.

Мне очень хочется поинтересоваться у него, почему он так сказал, но я тут же забываю об этом, потому что вижу перед собой вестибюль – и у меня екает сердце. Стены, от пола до потолка облицованные белым мрамором, украшены картинами в золоченых рамах. Это полотна французских и голландских импрессионистов – причем, судя по всему, подлинники. Ковровая дорожка темно-бордового цвета ведет к стилизованному под старину лифту с позолоченными дверями.

У одной стены расположен стол из полированного красного дерева и ореха. На нем стоит большая ваза с гардениями, которые источают настолько сильный запах, что у меня возникает мысль, что, если я проведу в вестибюле еще минуту, у меня непременно заболит голова. Но я предпочитаю там не задерживаться – если вестибюль выглядит так, то мне хочется поскорее увидеть квартиру.

Двери лифта медленно расходятся в стороны. Я вхожу в кабину и оглядываюсь, чтобы еще раз увидеть великолепную люстру, ярко освещающую вестибюль. Вопреки моим ожиданиям, лифт движется очень быстро. Когда его двери открываются, я осторожно выглядываю наружу. В коридоре стоит тишина. Вокруг никого нет, поэтому я даю себе время не торопясь рассмотреть великолепные шелковые обои цвета слоновой кости и старинные оловянные бра, освещающие дорогу к единственной во всем коридоре двери, которая расположена в самом его конце. На двери висит большая табличка из желтого металла с выбитым на ней номером – 12А.

Я стучу в дверь.

Мне открывает женщина, и я ощущаю прилив разочарования, поскольку она выглядит совершенно обычно. Во всяком случае, она не в униформе горничной и не держит в руке метелку из страусиных перьев. Нигде не видно и дворецкого в белом галстуке и обязательно в белых перчатках.

Метелка из страусиных перьев? Я мысленно спрашиваю саму себя: *Ты это серьезно? Что со мной?*

Вместо униформы горничной женщина одета в голубую, цвета яиц малиновки, водолазку и серые брюки. Ее черные волосы просто заправлены за уши. Я замечаю, что в них кое-где, особенно ближе к макушке, серебрится седина. Женщина довольно полная. Под водолазкой,

не заправленной в брюки, явственно обозначился животик. При виде морщинок в уголках глаз я решаю, что женщине за пятьдесят.

Она встречает меня теплой улыбкой:

– Вы пришли на собеседование?

– Да, мэм, – киваю я.

Мэм – так говорят люди, воспитывавшиеся и выросшие в небольших южных городках.

– Ваше имя?

– Сара Ларсен.

– Я Паулина, – представляется женщина. – Пойдемте со мной.

Покинув холл, мы идем по коридору, пол которого устлан персидскими коврами.

– Я служу домработницей у Бэрдов уже больше двадцати лет, – говорит моя новая знакомая, явно гордится своим впечатляющим послужным списком.

Что ж, наверное, у нее есть для этого основания. Я же не представляю, как можно работать так долго в одном и том же месте. Нередко я думаю о том, сколько еще времени проработаю в ресторане «Очаг».

– Рада с вами познакомиться, – говорю я.

Паулина приводит меня в комнату, которую она называет гостиной, и просит присесть и немного подождать.

Я осматриваюсь, надеясь увидеть фотографии или какие-то личные вещи, которые позволят мне составить хоть какое-то представление о членах семьи Бэрд – но не вижу ничего, что могло бы мне в этом помочь. Интерьер комнаты весьма элегантен – обои в полоску с золотым тиснением на розовато-лиловом фоне, кресла с овальными спинками. При этом никаких деталей, позволяющих судить о личности живущих в пентхаусе людей. Получается, что я по-прежнему практически ничего не знаю о Бэрдах. Накануне вечером я пыталась хоть что-нибудь о них выяснить. Может, они какие-то знаменитости? Члены королевской семьи Швеции? Наследники чьего-нибудь громадного состояния? Из того, что рассказал мне Стивен Бэрд, мне известно, что его отец вторично женился и у него родился ребенок, девочка. Интересно, она еще совсем маленькая или уже нет? Сколько ей лет? Пять? Десять? А ее мать – кто она? Популярная певица? А может, ее отец – дипломат? Интересно, насколько активно Стивен Бэрд собирается принимать участие в заботах о своей единокровной сестре?

Однако, к моему разочарованию, поиск ответов на все эти вопросы мне вскоре приходится прекратить. Все женщины по имени Колетт Бэрд, которых мне удалось отыскать в интернете, явно были не теми. Выяснилось, что одна из них живет в Великобритании. Еще одну я обнаружила в Сингапуре – оказалось, что она графический дизайнер и работает на фрилансе. Однако Колетт Бэрд, живущую в Нью-Йорке, мне обнаружить не удалось. И в соцсетях она никаких следов не оставила, что в наше время, на мой взгляд, довольно сложно. Либо она не знает, как пользоваться «Твиттером» и не признает современные технологии, либо просто помешана на конфиденциальности.

Но одну ссылку я все-таки нашла – одну-единственную. Она вела на сайт местной детской больницы, где Колетт Бэрд в течение последних десяти лет является – или числится – членом совета директоров. Оказывается, она входит в Женский комитет 100 – это нечто вроде элитного клуба. Он известен, в частности, тем, что вступительный взнос в него составляет полмиллиона долларов. В статье было сказано, что Колетт – президент клуба и занимается сбором денежных средств. И наконец (вот оно!), в материале я обнаружила фотографию – самый обычный снимок анфас, на котором Колетт стоит на фоне всем прекрасно известных коринфских колонн нью-йоркского Метрополитен-музея. На фото она одета в бальное платье, ее светлые волосы уложены в высокую прическу. Надо признать, выглядит она на снимке просто ослепительно – настоящий символ Нью-Йорка. Утонченность и именитость, красота и изящество. Властность и спокойствие духа, которые дает осознание того факта, что ты имеешь в своем полном рас-

поряжении целые горы денег, а следовательно, тебе доступна вся роскошь, которую они могут дать: дизайнерские платья, невероятные драгоценности, услуги лучших парикмахеров, отдых на лучших курортах мира, эксклюзивные рестораны. На губах Колетт играет улыбка победителя.

Каким-то образом мне удалось понять все это по одной небольшой фотографии – Колетт Бэрд на ней прямо-таки излучает непоколебимую уверенность в себе и в собственной исключительности. Значит, она, судя по всему, не просто знаменитость или певица – похоже, Колетт всерьез занимается благотворительностью.

Что же касается ее мужа, то о нем мне тоже удалось отыскать лишь очень скудные сведения, хотя их оказалось все же несколько больше, чем информации о его супруге. Его зовут Алекс Бэрд, он инвестор, вкладывающий деньги в коммерческую недвижимость, имеет собственную фирму, а его офис находится неподалеку от Линкольн-центра. Я нашла несколько статей с упоминаниями о нем, но в основном это маловразумительные репортажи об открытии каких-то объектов с описаниями торжественных процедур перерезания ленточек, а также сообщения о выигранных в ходе тендеров контрактах. В материалах присутствуют и фотографии, где Алекс Бэрд снят рядом с мэром и главным городским инспектором, плюс несколько снимков с каких-то светских раутов, на которых мистера Бэрда запечатлели в смокинге.

Однако какой-либо личной информации о семье Бэрд я нигде не нашла. Ни одного упоминания о дочери, ни одного ее фото. Удалось, впрочем, накопать кое-что о Стивене, сыне Алекса от первого брака. На сайте компании отца ему посвящен один абзац – в нем Стивен представлен как сотрудник фирмы, окончивший Корнелльский университет. Однако фотографии нет – есть лишь краткое упоминание о том, что он является сыном мистера Бэрда. И никаких аккаунтов ни на «Фейсбуке³», ни в «Твиттере» – ни у того ни у другого.

Что это за люди?

Я думаю о разнице в возрасте между Стивеном и его единокровной сестрой. Наверное, это очень странно, когда твой отец через много лет вдруг снова женится и у него рождается маленький ребенок, который сильно младше тебя. Стивен, наверное, чувствует себя по отношению к малышке не столько старшим братом, сколько дядей. Но они, должно быть, достаточно близки и тесно общаются, если именно он отвечает на звонки кандидатов на должность няни, которая будет присматривать за девочкой.

Наконец домработница возвращается и с сияющей улыбкой на лице громко произносит мое имя. Я встаю и вдруг замечаю в углу нечто странное. Это круглый стол на одной ножке. У дальнего его края я вижу какой-то предмет, накрытый куском голубой ткани, похожим на носовой платок. Однако он слегка сбился на одну сторону, и я различаю край фотографии в рамке. Да, это фото маленькой девочки. Оно черно-белое, и мне удается разглядеть, что у нее светлые волосы, подвязанные лентой, и что челка аккуратно подстрижена над самыми бровями. Ребенок еще совсем маленький, на вид девочке два или три года. Должно быть, няню ищут именно для нее. Но зачем нужно было прикрывать фотографию платком?

Может, это просто случайность. Или таким образом члены семьи по тем или иным причинам подготовились, чтобы отвергнутые на первом этапе кандидаты не могли никому рассказать, как именно выглядит девочка.

Важнейшее требование – конфиденциальность – так было написано в объявлении.

Я встречаюсь глазами с домработницей. Если женщина и поняла, что мне все же удалось увидеть фото, то она никак этого не показала. Она протягивает в моем направлении руку и жестом приглашает меня следовать за ней.

³ Компания «Мета», к которой относятся социальные сети «Фейсбук» и «Инстаграм», признана экстремистской, и ее деятельность на территории России запрещена.

Глава 4

Колетт Бэрд замечает меня не сразу. Она сидит в кресле и негромко разговаривает с кем-то, кто находится за его спинкой. Вероятно, там прячется ее дочь. Что говорит девочка, я не слышу, но ясно, что она совсем маленькая и старается сделать все возможное для того, чтобы ее не было видно.

Что говорит девочке ее мать, я тоже расслышать не в состоянии, а потому стараюсь хотя бы мельком разглядеть ребенка. Но роскошное кресло имеет огромные размеры, у него высокая спинка, а обитый красивой тканью изгиб сиденья опускается почти до самого пола. К тому же миссис Бэрд сидит в кресле таким образом, что у меня не остается шансов рассмотреть что-либо позади нее.

Я предпринимаю еще одну попытку заглянуть под кресло – меня будоражит мысль о том, что, возможно, я сейчас познакомлюсь с дочерью хозяйки дома. Я умею ладить с детьми – по крайней мере, мне так кажется. Девочке нужно лишь выбраться из своего укрытия и взглянуть на меня – и все пойдет как по маслу. Мы с ней можем поиграть во что-нибудь прямо здесь, на виду у матери. Я бы восхитилась ее платьем и предложила показать мне своих кукол.

Однако Колетт Бэрд не торопится представлять меня дочери. Собственно говоря, она на меня даже не смотрит. Ничто не говорит о том, что она заметила мое появление в комнате – настолько она поглощена беседой с малышкой. Женщина мелодично раз за разом повторяет какую-то фразу, потом тянется вниз, чтобы взять дочурку за руку.

Отведя от нее глаза, я быстро окидываю взглядом комнату. Ее интерьер без преувеличения можно назвать изысканным. В одном конце помещения находится камин, огромная топка которого закрыта кованой металлической решеткой. Потолок расположен на десятифутовой высоте, громадные окна выходят на Рузвельт-парк и прекрасно известно всем и каждому здание Американского музея естественной истории – боже мой, оно расположено совсем рядом, практически по соседству. Пол покрыт паркетом из белого дуба, уложенным «елочкой». Каминная полка и стеклянный столик тесно заставлены предметами антиквариата. На стене рядом с дверью висят бесценные картины. Противоположная стена украшена гобеленом европейского производства, на котором изображены придворные дамы, прогуливающиеся по яблоневому саду. Комната напоминает художественную галерею.

Я снова перевожу взгляд на миссис Бэрд и довольно неуклюже переступаю с ноги на ногу в надежде привлечь внимание хозяйки. Мне приходит в голову мысль, что я смогу это сделать, если попытаюсь откашляться, но все же у меня нет уверенности, что миссис Бэрд это услышит. Она в данный момент пребывает в другом мире, переживая весьма интимный момент общения с ребенком.

Проходит еще несколько секунд, и я решаюсь заговорить.

– Миссис Бэрд, – делаю я попытку окликнуть хозяйку. Однако из моего горла вырывается только какой-то невнятный писк.

Колетт Бэрд сначала никак на него не реагирует, но затем говорит:

– Одну секунду, дорогая.

При этом я не вполне понимаю, кому именно адресованы эти слова – мне или девочке, которая возится на полу за креслом.

Я молча продолжаю неподвижно стоять на месте. Наконец взгляд миссис Бэрд падает на меня, и рука, которой она ласкает дочь, неторопливо накрывает сверху другую ее руку, лежащую на коленях, на которой я успела разглядеть кольцо с большим сапфиром и россыпью бриллиантов. Пальцы этой руки плотно сжаты – женщина явно держит в ней какой-то небольшой предмет. Что бы это ни было, она крепко прижимает предмет к себе.

Итак, Колетт Бэрд поднимает на меня глаза. Я внимательно вглядываюсь в лицо сидящей передо мной женщины, которая жертвует миллионы долларов на благотворительность, помогая детским больницам.

Она сидит в кресле, скрестив ноги. На ней элегантное темное, сливового цвета платье – не в обтяжку, но все же достаточно плотно облегающее фигуру. Ее лицо довольно сильно накрашено – но все же без излишеств. Косметика явно дорогая, так что сразу становится ясно – перед тобой женщина, которая не только может позволить себе ее покупать, но и имеет достаточно свободного времени, чтобы часами с ней экспериментировать. Светлые, золотистого оттенка волосы женщины зачесаны назад. На ногах у нее уникальные в своем роде туфли со стразами на невысоком каблуке – настоящие туфли от Маноло Бланика. Я видела такие в модном журнале. Те, что на миссис Бэрд, темно-лиловые – они прекрасно гармонируют по цвету с платьем.

Меня охватывает благоговейный трепет. Женщина, сидящая передо мной, умопомрачительна, она выглядит как королева. Она красива естественной, природной красотой, которую – в этом я нисколько не сомневаюсь – передала и дочери. Эти женщина и девочка, наверное, похожи друг на друга, как две капли воды – разумеется, с поправкой на возраст. И еще миссис Бэрд женщина добрая – по крайней мере, если судить по ее внешности. Я не могу удержаться и тут же, ощутив при этом укол вины, представляю себе, каково бы это было, если бы меня воспитывала не тетюшка Клара, а кто-то вроде Колетт Бэрд.

Она наконец меня замечает. Я нервно приглаживаю челку, которую старательно отращивала в течение последних шести месяцев. При этом я ужасно рада, что надела серьги в виде колец – подарок тети Клары. Они, правда, простые, но выглядят довольно элегантно. Тетюшка сказала, что они принесут мне удачу, и в этот момент я очень надеюсь, что она окажется права.

У меня пересохли губы, но я держу себя в руках и стараюсь не облизывать их. От волнения я все время совершаю какие-то мелкие, суетливые движения – невозможно сохранять уверенность в себе, когда стоишь перед таким человеком, как Колетт Бэрд.

– Привет, – говорит она тепло и дружелюбно – примерно так же, как домработница.

Я улыбаюсь в ответ.

Миссис Бэрд, не вставая с кресла, слегка изворачивается и, сунув руку за спинку кресла, ловит прячущуюся там дочку.

Я решаю воспользоваться подходящим моментом:

– Это ваша малышка?

Миссис Бэрд на секунду замирает в кресле, а я отступаю на шаг назад и продолжаю:

– Она у вас стеснительная? Ну, ей не стоит стесняться – по крайней мере, в моем присутствии. Она может выйти и показаться в любой момент – как только захочет.

После моих слов миссис Бэрд расслабляет руку, которой держала ребенка, скрывающегося позади нее, и я тихонько вздыхаю с облегчением. Хозяйка еще раз ласково поглаживает пальцами девочку и с улыбкой тихонько шепчет что-то, а затем снова поворачивается ко мне.

Наконец она жестом предлагает мне присесть на стул. Я делаю это с большой осторожностью, прекрасно осознавая тот факт, что под ногами у меня уникальный турецкий ковер удивительной мягкости с трехдюймовым узорчатым ворсом, а стул, на который я сажусь, – антикварная вещь в стиле барокко. Опустившись на него, я ставлю сумочку на пол и, не удержавшись, бросаю любопытный взгляд на ниспадающие на пол шторы, на изготовление которых пошло множество ярдов вышитого французского шелка. В поле моего зрения попадают также стеклянные скульптуры на столике, каждая из которых, по всей видимости, стоит десятки тысяч долларов.

– Я всегда восхищаюсь людьми, которые хотят работать нянями, – говорит миссис Бэрд. – Как нужно любить малышей, чтобы по своей воле присматривать за чужими детишками. А у вас есть свои дети, мисс...

Моя собеседница оглядывается, словно надеется обнаружить где-то рядом листок с подсказкой.

– Сара Ларсен, – говорю я и тут же добавляю: – Нет, у меня нет детей.

Миссис Бэрд смотрит на мои руки, а затем весьма выразительно переводит взгляд на мою сумочку.

– А резюме вы принесли?

Я смущенно поеживаюсь и тут же решаю, что в сложившейся ситуации мне следует быть максимально откровенной.

– Мне нужно кое-что вам сказать, – заявляю я и, собравшись с духом, признаюсь: – Я никогда раньше не работала няней.

После этих слов я жду какой-то реакции, но ее не следует – если не считать того, что на губах миссис Бэрд появляется мягкая улыбка. И тогда я продолжаю:

– Понимаете, я работаю официанткой в ресторане в Ист-Виллидж.

Моя собеседница удивленно поднимает брови. Я чувствую себя обманщицей и гадаю, сколько еще времени она позволит мне сидеть перед ней на стуле, прежде чем вежливо попросит меня уйти, поблагодарив за потраченное время. На самом деле, какой нормальный человек доверит своего ребенка няне, у которой нет никакого опыта?

Я жду, что вот-вот и сама миссис Бэрд, и ее дочка громко рассмеются, но ни та ни другая не издадут ни звука.

Более того, по удивленному взгляду миссис Бэрд я понимаю, что она ожидает продолжения моего рассказа. Да-да, она явно ждет, что еще я скажу.

Что ж, будем считать, что она дает мне шанс.

– Но мне очень хотелось бы стать няней, – говорю я. – Ладить с детьми я умею. Поскольку я работаю в ресторане, мне сотни раз приходилось иметь дело с малышами. Я ухаживала за своей тетей, когда она болела. Я молодая, очень энергичная и очень надеюсь, что вы дадите мне возможность попробовать проявить себя. Думаю, я могла бы оказаться полезной для вас и вашей семьи. И я постараюсь подружиться с вашей дочкой. Уверена, со временем она меня полюбит.

Я делаю паузу и опускаю глаза, понимая, что все сказанное прозвучало очень жалко и что через несколько секунд я снова окажусь на улице.

– Послушайте, мне нравится ваша откровенность, – говорит миссис Бэрд, несколько раз удивленно моргнув, и я чувствую, что тугой узел, затянутый где-то у меня в груди, начинает понемногу ослабляться. – Знаете, сейчас так трудно найти подходящих людей. Я верю, что вы умеете ладить с детьми. Это, конечно, смешно – как можно сказать что-либо подобное о человеке, с которым познакомился всего несколько минут назад. – Моя собеседница смотрит мне прямо в глаза: – Скажите, вам нужно много времени, чтобы добраться сюда оттуда, где вы живете?

Если она имеет в виду пеший переход до поезда метро, ходящего по линии L, пересадку и поездку на поезде, идущем на север по линии 1, а затем еще один пеший переход до дома, в котором живет семейство Бэрд, то на это времени потребуется не слишком много – максимум тридцать-сорок минут.

Меня же так и подмывает сказать миссис Бэрд, что для того, чтобы работать в таком месте, где живет она и ее домочадцы, я готова ежедневно преодолевать своим ходом много миль. В итоге я ограничиваюсь короткой фразой:

– Ездить сюда мне недалеко.

– Иногда, когда услуги няни понадобятся срочно, я готова посылать водителя, чтобы он привозил ее к нам. Так уже бывало множество раз. Говорите, вы живете в Ист-Виллидж?

Я киваю, моя собеседница тоже.

– Что ж, думаю, что с этим водитель справится. – У меня радостно екает сердце – тон у миссис Бэрд весьма обнадеживающий. Она снимает со своего платья невидимую соринку. – Расскажите мне о себе. Что мне следует о вас знать?

Что такая женщина, как Колеетт Бэрд, может захотеть знать о такой девице, как я?

– Выросла я в Вирджиния-Бич. Какое-то время посещала колледж, а в свободное от учебы время обслуживала столики в ресторане. А полтора года назад переехала в Нью-Йорк.

– А по какой причине вы решили приехать сюда?

– Мне хотелось каких-то новых возможностей. Я решила, что здесь у меня будет больше шансов добиться успеха. Ведь Нью-Йорк – это настоящий плавильный котел, в который стекаются люди со всего мира, верно? Моей мечтой всегда было заниматься дизайном одежды, именно на дизайнера я и училась. В Нью-Йорке есть все для того, чтобы моя мечта осуществилась, – разве не так?

– Разумеется, так, – с улыбкой отвечает моя собеседница и скрещивает ноги, обутые в уникальные дизайнерские туфли. – Значит, Вирджиния-Бич, вы говорите? – Тут взгляд миссис Бэрд устремляется куда-то вверх: – Не могу вспомнить, приходилось ли мне там когда-нибудь бывать. Я очень много путешествовала, но... – Брови миссис Бэрд сходятся на переносице: – Нет, это место мне определенно не запомнилось.

– И это неудивительно, – говорю я. – Если только вы не любите переполненные пляжи и рестораны, где не очень-то хорошо готовят рыбу и морепродукты.

На губах миссис Бэрд снова появляется улыбка:

– Я вижу, вы по-прежнему откровенны.

Я перевожу дух – похоже, мне удалось заработать еще несколько очков в свою пользу.

– А ваша семья? – интересуется миссис Бэрд. – Где ваши родственники?

– Мои родители умерли, когда я была еще ребенком.

Моя собеседница слегка прищуривается, и в ее глазах появляется ставшее мне хорошо знакомым сочувственное выражение – люди всегда реагируют таким образом, если я, рассказывая о себе, сообщаю им эту подробность. Но я уже давно привыкла к этому и не придаю такой реакции большого значения. И потом, когда родителей не стало, мне было всего пять лет. Я помню их только по рассказам тетушки Клары и по тем фотографиям, которые она хранила в своем альбоме.

– Меня воспитала моя тетья, – продолжаю я. – А я помогала ухаживать за ней перед тем, как она умерла – это случилось несколько лет назад.

Я чувствую, что моей собеседнице снова становится меня жалко, но на этот раз я опускаю глаза. Со времени смерти тети Клары прошло три года, но мне по-прежнему трудно говорить об этом. В отличие от воспоминаний о моих родителях, воспоминания о тетушке никуда не делись, они постоянно живут во мне – даже сейчас. Именно она научила меня всему. Мне было очень тяжело видеть, как она страдает, и при этом не иметь возможности как-либо ей помочь. С теми весьма ограниченными ресурсами, которые были в нашем с ней распоряжении, мы обе делали друг для друга все возможное.

– Мне очень жаль, – говорит миссис Бэрд.

Я поднимаю на нее глаза – мне совсем не хочется, чтобы она приняла меня за эмоционально неустойчивую особу, неспособную справиться с работой няни. Я не имею права расплакаться – нет, только не сейчас.

– Моя тетья была необыкновенным человеком. Когда она умерла, я почувствовала, что мне незачем больше оставаться в Вирджинии. По ее словам, сама она очень любила Нью-Йорк и всегда хотела вернуться сюда.

После моей последней фразы на лице миссис Бэрд появляется удивленное выражение:

– Она сама была из Нью-Йорка? И откуда именно?

– Из Бруклина. Она работала в страховой компании и каждый день ездила в офис на метро.

– А как она оказалась в Вирджиния-Бич?

– Она хотела найти подходящее место, где могла бы воспитывать меня после того, как мои родители умерли. И делала для меня все, что могла. Например, она научила меня ездить на велосипеде. Была волонтером в моей школе. Помогала мне с математикой.

– Похоже, она была замечательной женщиной.

– Несомненно, – киваю я. – Самой лучшей на свете.

От воспоминаний на меня накатывает теплая волна. И теперь я уже сожалею о том, что еще совсем недавно пожелала, чтобы у тети Клары было столько же денег, сколько у Колетт, чтобы она могла показать мне, как сильно она меня любит. На самом деле она показывала мне это постоянно – каждый день и всеми возможными для нее способами.

– Значит, получается, что вы теперь как бы идете по ее следам, – говорит Колетт с сияющими глазами. – Вы делаете память о ней живой – ведь вместе с вами и ее душа перенеслась в Нью-Йорк.

Я наклоняю голову – до сих пор мне ни разу не доводилось думать об этом в таком ключе. Да, для тети Клары Нью-Йорк был *ее* городом, и при жизни она много рассказывала мне о нем – например, где пекут самые вкусные рогалики, на каком фермерском рынке в Брайант-парк нужно покупать продукты, в каких клубах лучше всего слушать джаз, как бесплатно воспользоваться паромной переправой на Стейтен-Айленд, из гавани которого можно было наслаждаться видом небоскребов Манхэттена.

Уже после того как она умерла, я часто представляла ее себе – еще молодую и энергичную. Тогда ее каштановые волосы обычно были собраны в хвост – это рак превратил их в жидкий неопрятный пучок, а потом и вовсе уничтожил. Слушая тетю, я представляла, как она стоит на палубе парома, опершись на поручни ограждения, и глядит на раскинувшийся перед ней огромный город, обещавший ей счастливое будущее и жизнь с любимым мужчиной. Ради меня тетя Клара отказалась от всего – от личной жизни, от карьеры. И уехала в другой штат воспитывать меня – одна.

Да, тетя Клара бросила ради меня все.

Потом мои мысли следуют в другом направлении – и я начинаю думать о том, что, пожалуй, переехав в Нью-Йорк, я в *действительности* воплощаю в жизнь мечту моей тети и тем самым словно бы возвращаю и ее саму домой. И что в таком случае у меня есть ангел, который откуда-то сверху присматривает за мной.

Между тем миссис Бэрд перестает задавать мне вопросы. Она смотрит на меня с явным любопытством, словно готова была бы отдать миллион долларов за то, чтобы я поделилась с ней воспоминаниями, которые сейчас роятся в моей голове. Но она не произносит ни слова, не пытается влезть ко мне в душу – просто дает мне возможность посидеть спокойно и насладиться ими.

Так проходит пять минут. Это самое странное собеседование из всех тех, на которых мне приходилось бывать.

– Да, я согласна с вами – наверное, действительно ее душа перенеслась вместе со мной в Нью-Йорк, – говорю я.

Миссис Бэрд улыбается. Я слегка меняю позу и пытаюсь снова сосредоточиться на решении стоящей передо мной задачи – успешно пройти собеседование. В то же время мне ужасно хочется поинтересоваться, могу ли и я, со своей стороны, задать несколько вопросов. В конце концов, я ведь еще даже не познакомилась с дочерью миссис Бэрд. А мне бы очень хотелось узнать о ней побольше. Меня, например, очень удивило то, что маленькая девочка так долго тихо сидит за креслом и никак не дает о себе знать.

– А сколько лет вашей дочери? – спрашиваю я, собравшись с духом.

– Ей почти четыре. Кроме того, у меня есть тридцатидвухлетний приемный сын – собственно, это сын моего мужа от предыдущего брака. Он время от времени живет у нас. – Миссис Бэрд чуть наклоняет голову: – Кажется, вы говорили с ним по телефону?

Я киваю и жду, что она расскажет еще что-нибудь о своей дочери, но тут она издает негромкий смешок, осознав, что допустила оплошность.

– Извините, – говорит она, – просто я веду себя так, как будто мне никогда раньше не приходилось проводить собеседования. – Миссис Бэрд снова хихикает и прикрывает ладонью рот. На секунду между губ, покрашенных красной помадой, мелькает полоска безупречно белых зубов. – Вы, должно быть, подумали... – Женщина на секунду умолкает и делает глубокий вдох и выдох, стараясь успокоиться. Похоже, она нервничает не меньше меня – и это странно, поскольку это ведь она нанимает няню.

– Мою дочурку зовут Пэтти, – говорит миссис Бэрд после небольшой паузы, лучась улыбкой. – И она самый любимый, самый важный для меня человек во всем мире. В июле мы отмечаем ее четвертый день рождения.

Итак, девочку зовут Пэтти, и летом этого года ей исполнится четыре годика. Что ж, думаю, я справлюсь.

Я бросаю взгляд туда, где прячется ребенок.

– А можно мне с ней познакомиться?

– Скоро будет можно, – отвечает миссис Бэрд и тут же добавляет: – Понимаете, обычно я, проводя первую беседу с теми, кто претендует на должность няни, даю Пэтти возможность послушать наш разговор. Затем те, кто проходит отбор, могут вернуться для продолжения беседы.

– Разумеется, – киваю я. – Скажите, а какая она – Пэтти? – интересуюсь я, инстинктивно глядя туда, где скрывается девочка. Она по-прежнему не выходит из своего укрытия.

Внезапно мне приходит в голову мысль: а что, если семья Бэрд не просто так настаивает на конфиденциальности? Что, если за этим стоят какие-то особые обстоятельства? Скажем, девочка может быть больна или травмирована в результате какого-нибудь несчастного случая, который обезобразил ее внешность. Но если это так, разве Бэрды не предпочли бы нанять кого-то, кто способен, помимо прочего, при необходимости оказать ребенку полноценную медицинскую помощь?

Однако, судя по поведению миссис Бэрд, мои предположения беспочвенны.

– Она замечательная, – говорит моя собеседница. – Настоящий маленький ангел. У нее светлые волосы – как и у меня, но... – Миссис Бэрд трогает свою прическу и снова издает негромкий смешок. – Она натуральная блондинка, в то время как я всего лишь пытаюсь ею оставаться. Она обожает всякие придуманные истории и сказочных принцесс. Она очень застенчива и обожает прятаться – похоже, такую модель поведения она подсмотрела у героини какого-то фильма. Терпеть не может арахисовое масло. Не любит горки в виде туннелей – похоже, она боится там застрять. И еще она не любит летать самолетом, и это просто провал. Прежде мы очень много путешествовали, так что остается надеяться, что она перерастет этот страх. Ну и еще она очень любит диснеевские мультфильмы и чайные вечеринки, а также обожает слушать сказки на ночь.

Миссис Бэрд переводит дух – чувствуется, что ее собственный рассказ вызвал у нее прилив эмоций. Немного успокоившись, она добавляет:

– На следующий год Пэтти пойдет в садик, и это ужасно – не могу поверить, что она уже совсем большая. – Женщина покачивает головой: – Просто удивительно, как летит время.

– Судя по вашим словам, ваша дочь – просто чудо, – говорю я совершенно искренне. На самом деле, если все так, как рассказала миссис Бэрд, то присматривать за такой девочкой – это не работа, а просто мечта. Нужно только не пичкать ее арахисовым маслом и избегать горок в виде туннелей – уж это-то мне по силам. Не такая уж трудная задача, как мне кажется.

Я уже представляю себе, куда отведу Пэтти: магазинчик неподалеку от Коламбус-Серкл, где регулярно проводят детские праздники, угощая малышей чаем и печеньем. Прилавок там всегда украшен кусками торта с глазурью всех цветов радуги – словом, не магазин, а мечта любого ребенка.

Если Пэтти выйдет из-за кресла, я, может быть, расскажу ей про это место. И мы условимся, когда вместе сходим туда.

Глава 5

– Эй, Ларсен, не надо пытаться проскользнуть сюда незаметно, когда являешься на работу позже положенного!

Я действительно опоздала на смену в ресторане «Очаг», и Пол этим весьма недоволен. Мои попытки оправдаться ни к чему не приводят, и в какой-то момент я ловлю предостерегающий взгляд Джонатана, находящегося в противоположном конце ресторанный зала, – он, похоже, хочет сказать мне: *«Осторожнее, полегче на поворотах»*. В его части зала все уже готово к приему посетителей – столики протерты, приборы расставлены по местам.

– Прошу прощения, – говорю я и чуть ли не бегом отправляюсь в подсобку, чтобы положить сумочку в мой персональный ящичек для вещей.

– Прошу прощения, – передразнивает меня Пол и корчит лицо в презрительной гримасе. – Ты вечно просишь прощения – на этой неделе это уже третий раз.

Оказавшись вне поля его зрения, я закатываю глаза и торопливо повязываю черный фартук. Когда я возвращаюсь в зал, Джонатан молча указывает пальцем в мою часть, и я вижу, что он уже успел протереть столы. *Спасибо*, произношу я беззвучно, одними губами. Запихивая несколько ручек в карман фартука, я посылаю Джонатану улыбку, чтобы показать ему – со мной все в порядке, я в хорошем настроении и собеседование в семье, подыскивающей няню, как мне кажется, прошло успешно.

Рядом со мной возникает Амелия – ей тоже хочется убедиться, что со мной все нормально. Она вручает мне блокнот для приема заказов и говорит:

– Вот что, детка, пора тебе начать приходить на работу вовремя.

В ответ я едва заметно киваю. Мы подружились примерно шесть месяцев тому назад, когда стали вместе ходить развешаться после работы. Я знаю, что она подменит меня в мою смену, если это будет нужно, но ей, как и Джонатану, прекрасно известно, что я не могу позволить себе терять чаевые.

– Я знаю, – негромко говорю я Амелии. – Просто были неотложные дела.

Амелия движением подбородка указывает на Джонатана:

– Твой возлюбленный подготовил для тебя твою часть зала. Хороший парень – держись за него, – говорит Амелия и подмигивает мне, а затем отходит в сторону, увидев, что старшая официантка ведет группу клиентов к одному из ее столиков.

Я тоже срываюсь с места, решив, что расскажу Амелии о своей попытке наняться на должность няни и о собеседовании попозже. Она не осудит меня за желание заполучить еще одну работу – ей известно, что я погрязла в долгах по самые уши и отчаянно ищу выход из положения. Она не раз оплачивала мои счета в баре, когда знала, что я совсем на мели.

Я торопливо раскладываю на столах приборы, когда у меня в заднем кармане начинает жужжать телефон. Взглянув на экран, я вижу номер, начинающийся с цифр 1-800. Это опять звонят по поводу очередного просроченного платежа. Страх сдавливает мне горло, и я, борясь с ним, с усилием сглатываю и чувствую, как неприятный холодок сползает куда-то в живот – так бывает всегда, когда мне звонят с этого номера. Я запихиваю телефон обратно в карман в надежде, что еще хотя бы день смогу избежать контакта с кредиторами.

* * *

Снова проверяя телефон несколько позже, я обнаруживаю голосовое сообщение длиной в минуту – от Стивена Бэрда, а не от его мачехи. Он приглашает меня прийти еще раз. По его словам, миссис Бэрд считает, что я буду хорошей няней для ее маленькой дочери, но со мной

хотят обсудить еще кое-какие вопросы. Стивен интересуется, смогу ли я подъехать завтра к трем часам дня.

Я просто не могу поверить в происходящее. Мне было ясно, что нам с миссис Бэрд удалось найти общий язык, но я предполагала, что она все же захочет побеседовать с более квалифицированными претендентами – и вот вдруг выясняется, что она дает мне еще один шанс. От радостного возбуждения у меня в груди становится тепло. Если я смогу зарабатывать больше денег, я наконец смогу без страха отвечать на звонки коллекторов. И, в конечном итоге, сумею выбраться из длинного, темного туннеля на свет.

Но затем я невольно морщусь от вновь нахлынувших неприятных мыслей. Если встреча назначена на три часа дня, то, пойдя на нее, я пропущу всю первую часть моей смены в ресторане, и Полу это не понравится – особенно учитывая мое сегодняшнее опоздание. Весь вечер, когда я проходила мимо него на кухне, он бросал в мою сторону недовольные взгляды. Я умоляю Джонатана выйти в мою смену в его единственный выходной, и он соглашается. Крепко сжав мои руки, он говорит:

– Ты справишься. Если они наймут кого-то другого, то они просто сумасшедшие.

* * *

Консьерж узнает меня и здоровается:

– Эй, эй, вы вернулись. Значит, второй раунд, а?

Я в ответ радостно улыбаюсь и едва не пускаюсь вприпрыжку – меня переполняют радость и предвкушение успеха. У меня есть не только шансы на то, что меня возьмут на работу, но и возможность снова увидеть миссис Бэрд. И, наверное, я смогу познакомиться с Пэтти.

– Вы ведь помните дорогу? – интересуется консьерж. – Вам на лифте на двенадцатый этаж.

С этими словами он открывает дверь подъезда. Когда я прохожу в нее, он протягивает мне руку в белой перчатке и представляется:

– Малкольм.

– Сара, – отвечаю я, пожимая его руку.

– Рад с вами познакомиться, Сара.

Лифт поднимает меня на двенадцатый этаж. Сердце уходит в пятки – кабина движется очень быстро.

К моему удивлению, на этот раз дверь мне открывает не домработница. Я вижу перед собой мужчину, на вид которому тридцать с небольшим.

– Я Стивен Бэрд, – с улыбкой говорит он, пропуская меня внутрь. – Добро пожаловать.

Не успеваю я сделать и нескольких шагов, как он спрашивает, не хочу ли чего-нибудь попить.

– Может быть, воды? Или кофе?

– Нет, благодарю вас, – отвечаю я, обернувшись.

Нигде нет ни миссис Бэрд, ни домработницы. Пэтти я тоже не вижу.

Стивен ведет меня не в гостиную, а куда-то в другое место, по другому коридору – пол в нем выложен черным и белым мрамором, и мои каблуки звонко стучат по нему.

Бэрд-младший приводит меня в комнату, которая явно является частью его личного пространства – это видно по стенам, отделанным темными панелями из древесины ореха, и по мебели из красного дерева. На полках книжного шкафа я вижу небольшую библиотеку, состоящую, как я думаю, из первых изданий, на стене большой телевизор, на столе ноутбук «Макинтош» и всего одну ручку – ничего больше. Видимо, Стивен Бэрд любит порядок. Рядом с компьютером лежит один-единственный лист бумаги, и я пытаюсь разглядеть, что на нем напи-

сано – может быть, это копия объявления о поисках няни? Кроме того, на столе стоят чайник, тарелка с бутербродами и две керамические чашки.

– Вы уверены, что ничего не хотите? – спрашивает Стивен, кивая в сторону стола.

Небольшие по размерам бутерброды имеют треугольную форму, корочка с хлеба срезана. Один из них, похоже, намазан джемом. Я снова вежливо отказываюсь, отрицательно покачав головой.

– Тогда, может быть, просто чаю?

Прежде чем я успеваю ответить, Стивен принимается разливать чай по чашкам. Затем он интересуется, нужен ли мне сахар.

Ну что ж, если он так настаивает... И я вежливо прошу Стивена положить в мою чашку один кусочек.

Стивен широко улыбается – похоже, ему нравится роль хозяина, в качестве которого он в данный момент выступает. Пользуясь возможностью продемонстрировать свое гостеприимство, он вручает мне чашку и приглашает присесть. Когда я опускаюсь на кожаную подушку дивана, она слегка скрипит подо мной.

Стивен одет так, словно у него сегодня выходной: на нем серый тонкий свитер с V-образным вырезом, свободные брюки и коричневые мокасины. Волосы у него русые с рыжеватым оттенком – вероятно, этот оттенок он унаследовал от своего отца, мистера Бэрда, с которым я надеюсь в свое время познакомиться. Фигура у Стивена стройная, и я представляю, как по утрам он бегаёт трусцой в Центральном парке, наматывая милю за милей, или днем часами играет в теннис. Разве не так проводят время богатые люди? Или, может, у него пожизненное членство в каком-нибудь элитном фитнес-клубе? Роста в нем как минимум шесть футов, щетины на подбородке у него почти нет.

Стивен смотрит, как я, поднеся чашку к губам, делаю глоток.

– Спасибо, что вы вернулись, – говорит он и тоже садится. Я снова слышу скрип диванной кожи. – Я очень ценю то, что вы нашли для этого время.

– Что вы, что вы, я все понимаю, – говорю я, пытаюсь представить, как вела бы себя на моем месте деликатная женщина, являющаяся высокопрофессиональной гувернанткой с большим опытом работы. – Полагаю, вы хотите найти няню как можно скорее.

– Да, так оно и есть. Особенно моя мачеха. Ей было бы гораздо комфортнее, если бы здесь вместе с ней и Пэтти постоянно находился кто-то еще.

Я киваю.

– Колетт, похоже, не слишком беспокоит то, что у вас отсутствует опыт работы няней, – говорит Стивен, и я напрягаюсь в тревожном ожидании. – Думаю, она считает, что у вас большой потенциал и что вы сможете быстро всему научиться.

После этих слов у меня с сердца падает камень.

– Вы понравились ей с первого же взгляда, – заключает он.

– Я так рада это слышать, – говорю я и тихо вздыхаю с облегчением. – Мне тоже показалось, что нам удалось найти общий язык.

– Она сказала, что ваше с ней общение было похоже на самый обычный разговор, а не на собеседование. Как будто две подруги посидели вместе за кофе и поболтали. – Стивен улыбается. – Для нее это важно.

Я снова испытываю прилив облегчения.

– Я знаю, – продолжает Стивен, – что моя мачеха захочет снова встретиться с вами, чтобы продолжить разговор. Но я тоже хочу поговорить со всеми, чьи кандидатуры мы всерьез рассматриваем. Думаю, вы понимаете, что это необходимо, не так ли? Мой отец очень занятой человек, с ним вы вряд ли будете каким-либо образом пересекаться. В основном вам предстоит контактировать с моей мачехой. Ну а я тот человек, который занимается всякими бытовыми вещами – например, определяет и контролирует график платежей и тому подобное.

– Понимаю, – снова говорю я.

– Если вы будете наняты, вам потребуется находиться здесь пять дней в неделю, то есть с понедельника по пятницу, с девяти часов утра до трех или четырех часов дня. – Стивен помахивает рукой: – Впрочем, день на день не приходится. Иногда моя мачеха отпускает няню домой рано, чтобы побыть с Пэтти и во время тихого часа. Зарплата будет составлять тысячу двести долларов в неделю.

Тут мое сердце пропускает несколько ударов, а затем начинает колотиться как сумасшедшее: чтобы получать хотя бы приблизительно такие же деньги в «Очаге», мне пришлось бы работать по двенадцать часов каждый день.

– Пэтти не ходит в детский сад, а моя мачеха не работает – если не считать проводящихся время от времени заседаний совета больницы. Вообще Колетт редко выходит из дома. Она быстро устает, но не захочет вам это показывать – она скорее предпочтет переутомиться, чем позволит вам это заметить. Так что мы предпочитаем, чтобы она больше времени проводила дома и отдыхала. Еще она очень беспокоится за Пэтти, так что Пэтти, собственно, тоже практически никуда не выходит. Поэтому большую часть времени няня должна будет проводить здесь, в доме, с Колетт и девочкой. Вы сможете с ней играть и заниматься чем-то интересным – на ваше усмотрение. Тут полно игрушек и настольных игр, чтобы никто не скучал. И фильмов тоже. – Тут Стивен наклоняется ко мне и подмигивает: – Откровенно говоря, работа не пыльная.

Значит, мы почти не будем выходить из дома? Получается, мы практически все время будем находиться в этой крепости стоимостью во много миллионов долларов, где имеется бесчисленное количество настольных игр, мультиков и кинофильмов? Неудивительно, что миссис Бэрд вовсе не беспокоит отсутствие у меня опыта работы няней. Эта должность и правда просто мечта.

Все это кажется слишком прекрасным, чтобы быть правдой, и у меня снова возникают те же смутные сомнения, которые роились у меня в голове вчера. Может быть, маленькая девочка страдает какой-то болезнью или, скажем, получила травму, став жертвой несчастного случая? Тому, что ее никому не показывают и в основном держат дома, может быть множество причин. А что, если она на самом деле ребенок-инвалид и мне придется обеспечивать ей какой-то особенный уход?

Словно прочитав мои мысли, Стивен говорит:

– Вы не думайте, с Пэтти все в порядке. Просто для моей мачехи она очень много значит. Колетт долго не могла зачать ребенка, потом у нее было несколько неудачных беременностей. Так что для нее Пэтти – не просто ребенок, а ребенок-чудо, настоящий ангел. Потому-то она так за нее и беспокоится.

Мой собеседник откидывается на спинку дивана.

– Конечно, вам придется и по дому помогать. У нас есть домработница, Паулина – это самое удивительное человеческое существо в мире. – На губах Стивена появляется ласковая улыбка. – Я понятия не имею, как она могла столько времени ужиться с моими родителями. Она время от времени кое в чем помогает Колетт, когда речь идет об организации каких-то мероприятий – вроде званых обедов с участием светских дам. Бывает, что Паулина помогает моей мачехе подобрать соответствующий наряд и облачиться в него. Но это случается нечасто. Еще у нас есть Фредди – это мой любимец. Он наш семейный повар. Фредди готовит завтраки, обеды и ужины. Ну и перекусы для Пэтти тоже, так что вам не надо будет беспокоиться о том, чем кормить девочку.

Я стараюсь никоим образом не выражать восторга. Надо же, и обслуживающий персонал будет мне помогать – еще часть хлопот с плеч долой. Мне определенно все больше и больше нравится эта работа.

– А люди, о которых вы упомянули, *живут* здесь? – спрашиваю я.

– О нет, – отвечает Стивен и не без труда подавляет смешок. – В доме живут только члены семьи и Паулина. Она начала работать в нашей семье, когда я был еще ребенком. Мой отец попросил ее переехать к нам и помогать во всем, и она так и осталась с нами. – Стивен наклоняет голову и улыбается: – Мне она кажется просто незаменимой. Она все знает, обо всех заботится, за всем присматривает – даже мне в моих делах помогает.

Стивен разражается смехом, и я чувствую, как внутри у меня зарождается теплое чувство по отношению к нему.

– Паулина управляет практически всем в доме, – продолжает Стивен. – Я живу здесь, но у меня есть еще апартаменты в Гринвиче. Когда мне хочется отдохнуть от всех, я сбегаю туда. – Стивен обводит взглядом комнату – мужскую нору, которая, однако, выглядит намного лучше и уютнее, чем все те комнаты, в которых мне доводилось жить. – Но мне все-таки нравится приезжать сюда. Здесь мой дом. Я здесь вырос. Когда на свет появилась Пэтти, это место стало домом и для нее.

Я смотрю на дверь, ведущую в другие помещения жилища Бэрдов.

– Как вы думаете, когда я смогу познакомиться с Пэтти?

– Скоро, – говорит Стивен. – Кстати, не хотите взглянуть на ее игровую комнату?

Я смотрю на него, и в моем взгляде, я думаю, без труда читается радостное предвкушение.

– Пойдемте со мной.

Стивен встает, забирает у меня чашку с чаем и ставит ее на стол позади себя. Выйдя из комнаты, мы шагаем по длинному коридору. На этот раз мне удастся мимоходом заглянуть на кухню. Я успеваю увидеть много техники из нержавеющей стали, мраморную облицовку стен, большую вазу с фруктами на кухонной стойке, двойную духовку и еще что-то большое – кажется, это морозильная камера. У раковины стоит какой-то мужчина – он моет перья зеленого лука и выкладывает их на разделочную доску. На мужчине белый фартук. Поглощенный своим делом, он что-то негромко напевает – должно быть, это и есть Фредди, семейный повар.

Стивен продолжает быстро идти чуть впереди меня. Мы одну за другой минуем закрытые двери и наконец оказываемся в другом крыле апартаментов. Дойдя до конца коридора, Стивен распахивает очередную дверь.

Я вижу розовый ковер и розовые стены. Итак, это игровая комната Пэтти. Она огромная – настоящая страна чудес для ребенка ее возраста.

Комната производит на меня ошеломляющее впечатление – таких мне точно никогда не приходилось видеть. Именно так должна, наверное, выглядеть игровая ребенка, который может попросить у родителей все что угодно – в буквальном смысле этого слова. В одном углу комнаты я вижу детский стол, на котором разложены коробки с цветными карандашами и мелками и альбомы для рисования. Рядом с ним стоит расписанная вручную деревянная лошадка-качалка. В ее гриву вплетены розовые ленты, а рядом стоит стульчик-подставка, чтобы девочке было легче садиться в укрепленное на спине лошади кожаное седло. Еще я вижу огромных размеров кресло-качалку, заваленное плюшевыми животными. На полу сидит плюшевая панда ростом чуть ли не в шесть футов – такую можно увидеть разве что в магазине игрушек Шварца. На оконных карнизах висят шторы из розового тюля. В центре комнаты располагается кукольный домик – размерами он не уступает грилю для барбекю. Пол под домиком и вокруг него застелен мягким игровым ковриком всех цветов радуги.

Я замечаю большой косметический набор – наверняка предмет гордости для маленькой хозяйки комнаты. Безопасный розовый лак для ногтей, щетка для волос, блеск для губ. Маленькое зеркальце, чтобы любоваться своим отражением.

В окно с эркером и круглыми розовыми подушками на подоконнике хорошо видно соседнее здание – на его ближней стене, выкрашенной серой краской, располагается балкон. За домом зеленеют кроны деревьев – там находится парк. На детском столике кроме карандашей

и альбомов я замечаю игрушечный чайный набор. Чашки, блюдца, кубики игрушечного сахара и кружочки печенья. На полу лежит раскрытая книжка с детскими стихами.

Значит, девочка была здесь сегодня. Она тут играла.

– Это просто великолепно, – говорю я.

– Да, – соглашается Стивен, делая шаг вперед. – Действительно.

Я буквально поражена и зачарована увиденным. Как было бы хорошо, если бы все маленькие девочки росли, играя в таких комнатах.

Тетя Клара обеспечила мне тепло домашнего очага – в этом нет никаких сомнений. Моя комната была буквально забита детскими книжками, у меня была моя собственная кукла Барби и игрушечная мебель для нее, а когда я стала постарше – собственная стереосистема с пультом управления, но, конечно, о такой роскоши, которую я увидела в комнате Пэтти, не могло быть и речи. Это реальное воплощение детских фантазий.

Уже в детские годы я знала, что в нашей с тетей жизни существуют определенные ограничения. По вечерам она нередко приходила домой усталая и, ни слова не говоря, просто падала на диван, успев одобрительно улыбнуться мне, когда я принималась разогревать в микроволновке ужин. Однако, хотя работала она очень много, денег нам не хватало. Поэтому я с детских лет привыкла к тому, что не следует просить слишком многого. Я была благодарна тете за то время, которое она мне уделяла, и можете мне поверить – она отдавала общению со мной каждую свободную минутку. Но я должна признать, что бывали дни, когда мне хотелось какой-то радостной суеты, шумных игр, больше внимания к моей персоне – все это было бы доступно мне, если бы мои родители были живы и если бы я жила не с одной только тетей Кларой, но и с ними тоже. Жаль, что я не помню, что это такое – сидеть на коленях у матери, ловя на себе любящий взгляд отца.

Я представила себе, как здесь, в этом роскошном пентхаусе, в детской игровой комнате, которая поразила мое воображение, целая семья с любовью нянчится с маленькой девочкой. Пэтти наверняка не знает отказа ни в чем. Ее родители постоянно находятся в каких-то нескольких шагах от нее, ее единокровный брат и прислуга тоже не могут на нее надыхаться и постоянно за ней присматривают. Ее детство просто невозможно сравнить с моим. Если бы только она знала, как ей повезло в жизни.

Стивен, должно быть, замечает выражение благоговейного восторга, написанное у меня на лице. Он делает шаг внутрь комнаты и жестом приглашает меня последовать за ним.

– Моя мачеха сама все здесь обустроила и украсила. У нее врожденные дизайнерские способности – она все время комбинирует мебель разных стилей и фасонов. Как вы можете видеть, моя младшая сестра обожает все розовое, – говорит Стивен и смеется.

Потеряв дар речи, я с замиранием сердца подхожу к кукольному домику, испытывая острое желание опуститься на колени и заглянуть в окна его комнат. Впрочем, я и так вижу, что они обставлены миниатюрной игрушечной мебелью и населены целой кукольной семьей. Пэтти аккуратно усадила куколок на диван и расположила у их ног деревянного далматина – собака небрежно развалилась на полу. Во всех помещениях домика горит свет, словно он демонстрируется на постоянно действующей выставке.

– Давайте рассмотрите все как следует, – говорит Стивен. – Эта штука всем нравится.

Я не заставляю себя упрашивать и тут же падаю на колени. Кукольный домик представляет собой миниатюрный особняк с просторным крыльцом и широкой лестницей, ведущей на второй этаж. В нем целых пять спален, в каждой из которых стоит кровать. На кроватях аккуратно разложены крошечные подушки. На нижнем этаже расположен бальный зал, пол которого вымощен в шахматном порядке черной и белой плиткой. В комнатах установлены маленькие светильники Тиффани, ручки всех дверей – стеклянные. Стены оклеены красивыми обоями в цветочек. Словом, кукольный домик – это настоящее чудо, которое, должно быть, обошлось в целое состояние.

– Мне всегда хотелось иметь такой игрушечный домик, – говорю я Стивену. – Я мечтала о нем, когда была совсем маленькая.

Стивен в ответ улыбается:

– Ну, если вы получите эту работу, вы сможете играть здесь сколько угодно. У вас будет возможность приходить сюда в любое время.

Глава 6

Времени уже почти десять часов вечера. Джонатан все еще не вернулся с работы – он подменяет меня в ресторане. У меня звонит телефон – это Стивен Бэрд.

– Сара? – говорит он, и мое сердце начинает бешено колотиться. – Я поговорил со своей мачехой – она считает, что в еще одной беседе с вами нет необходимости. Должность ваша, если вы согласны.

Я с облегчением выдыхаю.

Если я согласна? Он что, с ума сошел? Это просто удивительно! Я, можно сказать, действовала наобум, без всякой подготовки – и каким-то чудом добилась своего.

Зарплата в тысячу двести долларов в неделю здорово поддержит нас с Джонатаном, да что там – она изменит нашу жизнь. Я наконец избавлюсь от постоянного болезненного страха и неприятного ощущения холода в животе, которое возникает у меня при каждом телефонном звонке, при виде любого конверта, обнаруженного в почтовом ящике. Мне буквально станет легче дышать. Я смогу спокойно подходить к входной двери, когда в нее будут звонить или стучать, не опасаясь, что это пришли коллекторы. Мне больше не надо будет оправдываться перед соседями и объяснять, почему я не открываю и вообще никак не реагирую, когда в мою дверь оглушительно барабанят. И я перестану ловить на себе сочувственные, а иногда и раздраженные взгляды.

– Так вы согласны? – уточняет Стивен.

В душе у меня поют скрипки. От радости даже перехватывает дыхание.

– Да! Я очень рада принять ваше предложение.

– Замечательно. Мы тоже рады, и моя мачеха особенно. Вы сможете быть у нас завтра к девяти часам утра? Мне бы хотелось согласовать с вами кое-какие положения контракта.

Ну да, конечно, контракт. Мне следовало с самого начала понимать, что мои наниматели оформят все официально.

– Ничего серьезного, так, кое-какие мелочи, – продолжает тем временем Стивен. – Мы действительно очень рады, что вы будете у нас работать.

Закончив разговор, я едва на подпрыгиваю на месте. От радостного возбуждения я ощущаю покалывание в кончиках пальцев и легкое головокружение. Наконец, раскинув руки, я пускаюсь в пляс по комнате. Наверное, это может показаться странным соседям, которые, находясь у себя на кухне, могут видеть меня в окно. Но мне наплевать.

Мне хочется забраться на крышу дома и прокричать оттуда на весь район о том, как мне повезло! Я готова была вступить в драку с кем угодно за эту вакансию, и вот теперь мне предстоит работать на одно из самых гламурных семейств в городе. Пять дней в неделю я буду погружена в тот мир, в котором живут эти люди, и у меня будет возможность подсмотреть, что это за мир. Нет, не подсмотреть – *увидеть*. Собственными глазами. И я все время буду находиться в обществе великолепной Колетт Бэрд и ее маленькой дочурки.

Едва Джонатан успевает перешагнуть через порог, как я громко кричу:

– Меня взяли!

Он с удивленным лицом снимает с плеча рюкзак, ставит его на пол и наблюдает, как я, ликуя, скачу по всей комнате. В его глазах тоже вспыхивает радость.

Я бросаюсь к нему, крепко обхватываю его руками за шею и осыпаю поцелуями его щеки и лоб.

– Я просто поверить не могу! Разве это не здорово?

Освободив его от объятий, я начинаю исполнять безумный танец, напоминающий джигу. Джонатан вместе со мной радостно смеется.

– Расскажи мне, как все было и что теперь, – просит он.

– Я приступаю к работе завтра. Платить мне будут тысячу двести долларов в неделю. Мне практически никуда не придется ходить. Мать ребенка прямо как наседка, она хочет, чтобы ее дочка как можно реже появлялась на улице, так что я буду в основном сидеть с ней дома. Моя нанимательница – просто королева. И в доме есть домработница, которая будет мне во всем помогать. Это не работа, а мечта!

Джонатан проводит рукой по своим волнистым каштановым волосам – пот, пропитавший их от частых визитов на кухню ресторана «Очаг», уже успел высохнуть, но они все еще остаются растрепанными.

– Тысяча двести долларов в неделю, – выдыхает он. – Это просто невероятно. Мы наконец сможем...

– Я знаю! Это же просто чудесно!

Лицо Джонатана расплывается в широкой улыбке.

Он никогда не говорит об этом, но я знаю – его, как и меня, постоянно гнетут мысли о долгах. Но теперь я смогу начать постепенно оплачивать накопившиеся счета, и их размер и количество, я надеюсь, станут менее устрашающими. В этот момент я люблю Джонатана даже больше, чем всегда, – за то, что он, несмотря на то, как тяжело нам приходится из-за моих долгов, которые очень сильно мешают нам планировать нашу дальнейшую совместную жизнь, никогда не терял и не теряет веру в меня. Он всегда говорил, что мы выкарабкаемся.

Я видела, как у него каменеют плечи, когда он, не зная, что я за ним наблюдаю, просматривает почту, как он при этом проводит ладонью по лицу и потирает шею – но, что бы он там ни обнаружил, Джонатан неизменно сохранял внешнее спокойствие. Он никогда не попрекал меня тем, что я погрязла в долгах. Он знал, во что ввязывается, когда мы познакомились и стали встречаться. И всегда говорил и говорит, что мы – команда и действуем сообща.

И вот теперь мы видим свет в конце туннеля. Я смогу сообщить коллекторам, что у меня появился некий доход – это наверняка хоть немного поумерит их пыл. И у меня появится возможность хоть немного отодвинуть ужасную перспективу банкротства.

Я снова подскакиваю к Джонатану, обхватываю его лицо ладонями и целую – на этот раз в губы.

– Это просто великолепно, – говорю я ему на ухо.

Джонатан крепко обнимает меня.

– Поздравляю тебя, милая. Правда, мои поздравления.

– Поздравлять надо *нас*.

Джонатан отвечает мне поцелуем и говорит:

– Да, и вправду поздравить надо нас обоих.

* * *

На следующее утро я оказываюсь около уже знакомого мне дома на Западной Семьдесят восьмой улице за несколько минут до девяти. Еще никогда мне не было так приятно ехать на работу, и никогда я не оказывалась на месте вовремя (впрочем, стоит внести поправку – не вовремя, а даже *раньше* назначенного часа). Подумав об этом, я не могу удержаться от смеха. Что, интересно, сказал бы Пол, если бы узнал, что я могу быть настолько пунктуальной?

Малкольм при виде меня издает свист.

– Эй, эй, я смотрю, вас можно поздравить, – говорит он, пока я перехожу улицу, посылая ему самую ослепительную из возможных улыбок. – Что ж, добро пожаловать в наш квартал. И в дом семьи Бэрд.

С этими словами консьерж отвешивает мне шуточный поклон.

Паулина уже ждет меня у двери. Мне кажется, что она вот-вот обнимет меня, но женщина сдерживает порыв сделать это и просто дружески хлопывает меня по плечу.

– Я так рада, что вы согласились взять на себя эту работу, – говорит Паулина, когда мы с ней идем к кабинету Стивена. – Вам здесь очень понравится.

Женщина и на этот раз одета весьма просто для домработницы, обслуживающей дом богатых жителей Нью-Йорка: на ней серые брюки и черный свитер, на шее – всего одна, довольно скромная, нитка жемчуга.

Тем не менее, когда мы подходим к двери, ведущей в кабинет Стивена, она останавливается – всего на какое-то мгновение. Она чуть оттягивает пальцем эластичный браслет на своем запястье – и тут же отпускает. Жест настолько мимолетный, что я едва успеваю его заметить. По-видимому, это помогает ей собраться с духом. Затем Паулина открывает дверь кабинета, и на ее лицо снова возвращается улыбка.

Этот маленький эпизод кажется мне немного странным, но я тут же перестаю думать о нем, поскольку Паулина громко объявляет Стивену Бэрду о моем приходе. Он протягивает мне руку.

– Добро пожаловать! – говорит Стивен. – Мы очень рады видеть вас здесь.

Кивком он отпускает Паулину, и домработница тут же исчезает. Стивен ведет меня к тому же стулу, на котором я уже сидела днем раньше, но на этот раз не предлагает мне ни чаю, ни бутербродов. Нам предстоит заняться делом. Стивен достает из ящика стола сложенные в стопку листы бумаги и протягивает их мне.

– Все это, в общем-то, формальность. Уверен, вы все понимаете. Моя семья настаивает на том, чтобы все было оформлено официально, особенно мой отец. Он категорически настаивает на соблюдении полной конфиденциальности. Это важная часть сделки. Все, кто работает здесь, в тот или иной момент подписывали подобные документы.

Я откладываю в сторону первую страницу, затем следующую, пытаюсь обнаружить в тексте контракта что-то необычное. Однако все параграфы и пункты кажутся мне достаточно простыми и ясными.

Я перехожу к чтению следующей страницы.

Няня оказывает услуги семье Бэрд с понедельника по пятницу включительно.

Далее следует абзац, в котором имя Колетт Бэрд, мое собственное и слово «конфиденциальность» выделены курсивом.

Перед тем как продолжить чтение, я делаю небольшую передышку. Следующие пять абзацев насыщены юридической терминологией – в них речь идет об обязательствах и последствиях их нарушения сторонами, подписавшими контракт.

Стивен, откинувшись на спинку кресла, наблюдает за мной, подперев подбородок ладонями и барабанив пальцами по собственной щеке.

– Как я уже сказал, это, в принципе, формальность, – говорит он, посылая мне ободряющую улыбку. – Все, о чем мы просим, Сара, – это чтобы вы ответственно относились к своим профессиональным обязанностям и вели себя вежливо и учтиво все то время, пока вы находитесь у нас, а находясь за пределами нашего дома, не распространяли никакую информацию о том, что происходит внутри него.

– Это мне по силам, – спокойно заверяю я собеседника, хотя готова завопить от радости и переполняющего меня чувства благодарности.

– Ваше недельное жалованье будет выплачиваться вам наличными. Вы же должны пять дней в неделю приходить сюда, в эти великолепные апартаменты, где находится тот самый кукольный домик, который, я знаю, вам так понравился.

Тут Стивен раскидывает руки, словно и он хорошо понимает, какое это везение для нас с ним – находиться здесь, в замечательном жилище семьи Бэрд.

Я просто не в состоянии ему ответить. С того самого момента, как он позвонил мне вчера вечером, мое сердце от радости начало биться учащенно – и до сих пор не успокоилось. Мы с Джонатаном спали очень мало, поскольку до поздней ночи мечтали о том, какой будет наша

жизнь после того, как мы оплатим все счета за пребывание в больнице моей тети. Мы рассуждали о том, что откроем накопительный счет, и прикидывали, не снять ли нам небольшой скромный ресторанчик для нашего свадебного торжества. Более того, мы осмелились предположить, что, может быть, нам удастся уговорить Пола предоставить в наше распоряжение зал в «Очаге» и сделать нам скидку.

Впервые за очень долгое время, когда Джонатан наконец повернулся на бок и заснул, я включила маленький ночник и достала свой альбом для эскизов. Было приятно ощутить в пальцах карандаш. Я быстро сделала набросок. Сначала на бумаге появился контур, затем я заштриховала внутреннюю часть, обозначила тень. Еще несколько линий – и я поняла, что именно пытаюсь изобразить: элегантное, облегающее фигуру платье, похожее на то, которое я видела на Колетт, только мой вариант был с короткими рукавами. Выходит, общение с Колетт, ее понимание моды и красоты уже вдохновили меня на то, чтобы вернуться к моделированию.

Стивен подталкивает ко мне ручку:

– Пожалуйста, поставьте подпись на последней странице. Еще дату – и дело сделано.

Я на всякий случай еще раз пробегаю глазами текст документа, а затем, не мешкая больше, послушно расписываюсь на последнем листе и возвращаю контракт Стивену. Он тут же убирает его в выдвижной ящик стола.

– Прекрасно. Я сделаю для вас копию, чтобы вы могли забрать ее с собой уже сегодня. – Стивен вскакивает с кресла: – А теперь пойдете посмотрим, что там делает моя мачеха.

* * *

Мы находим миссис Бэрд в гостиной. Она обставлена так же шикарно, как то помещение, в котором я встречалась с Колетт во время собеседования, но ее интерьер выглядит несколько менее строгим и парадным. Мраморный пол комнаты застелен огромными темно-синими коврами, так что кажется, будто под ногами плещется океан. У ковров длинный и мягкий ворс, который приятно пружинит под ногами.

Колетт одета не так нарядно, как в прошлый раз. На ней нет стильного платья и дизайнерских туфель – вместо этого она облачилась в потертые джинсы и шелковую блузку. Но и в них миссис Бэрд выглядит просто потрясающе. На ногах у нее плетеные сандалии.

Она бросается ко мне и заключает в объятия. Я ощущаю отчетливый запах «Шанель № 5», которыми женщина, должно быть, побрызгала волосы и шею – замечательный аромат ласково обволакивает меня.

– О, Сара, я так рада, что это вы, – говорит миссис Бэрд. – Как хорошо, что мы выбрали именно вас.

Я чувствую, как от удовольствия кровь приливает к моим щекам.

– Я тоже очень рада, что нахожусь здесь, миссис Бэрд. Спасибо вам за то, что вы меня наняли.

Хозяйка разжимает объятия и чуть отстраняется от меня.

– Пожалуйста, зовите меня просто Колетт.

– Хорошо, Колетт, – киваю я и улыбаюсь женщине так же широко, как она мне.

Я бросаю взгляд на диван, будучи почти уверенной, что увижу на нем маленькую девочку, которая тоже подбежит ко мне обниматься. Но на диване никого нет.

– А где же Пэгги? – интересуюсь я.

– О, мой сладкий ангел неважно себя чувствует, – отвечает миссис Бэрд и, чуть нахмурившись, разочарованно надувает губы. – Думаю, вчерашний день оказался для нее чересчур утомительным.

С этими словами миссис Бэрд берет меня за руку и ведет к дивану.

– Жаль это слышать, – говорю я и украдкой бросаю взгляд на Стивена, не понимая, почему он мне ничего не сказал.

– А можно ее навестить? – спрашиваю я.

Миссис Бэрд неопределенно взмахивает рукой:

– Пожалуй, будет лучше, если мы не станем ее беспокоить. Я попросила Паулину не будить ее и дать ей все, что она попросит, когда проснется, потому что завтра у нас будет очень много времени для игр.

И миссис Бэрд радостно, словно девочка, хлопает в ладоши.

Я с удовольствием опускаюсь на диван и откидываюсь на его спинку. Я чувствую себя на седьмом небе от мысли о том, что мне будут платить просто за то, что я сижу на диване вместе с Колетт. Хотя мне очень хочется познакомиться с Пэтти, у меня есть множество вопросов к ее матери. Например, где она покупает себе вещи? Кто ее любимый дизайнер? Где она, например, приобрела эти замечательные сандалии? А платье, в котором она была, когда проводила себе-седование? Я нетерпеливо смотрю в сторону коридора – интересно, когда я смогу заглянуть в гардероб хозяйки.

Однако усилием воли я подавляю свое нетерпение – *спокойнее, спокойнее*, говорю я самой себе. Я здесь для того, чтобы выполнять работу няни, а не для того, чтобы докучать миссис Бэрд вопросами о ее предпочтениях в области моды. Думаю, со временем мне удастся все выяснить.

Миссис Бэрд смотрит на Стивена:

– Все сделано?

– Да, контракт подписан.

– Хорошо. – Колетт несколько секунд с сияющей улыбкой смотрит на своего приемного сына, а затем снова поворачивается ко мне: – Ох, Сара, как же хорошо, что все разрешилось. Нам будет так хорошо! Мы довольно долго обходились без няни... не могу с ходу припомнить, сколько именно...

Миссис Бэрд бросает удивленно-вопросительный взгляд на Стивена.

– С прошлого года, – говорит он.

– Верно, с прошлого года. – Колетт хмурится. – Я была очень расстроена, когда предыдущая няня от нас ушла. Она была очень добра к Пэтти и ко мне – молодая девушка, примерно того же возраста, что и вы. Все было прекрасно, но потом ей пришлось уволиться... – Миссис Бэрд проводит рукой у себя перед лицом: – Кажется, она нашла какую-то другую работу. Но ведь если бы она не ушла, мы бы не нашли и не наняли вас, верно? – Колетт, снова просияв, сжимает мою руку. – И знаете, у меня есть предчувствие. – Она заглядывает мне в глаза: – Очень хорошее предчувствие. Я практически уверена, что мы с вами прекрасно поладим. Да-да, мы будем как подружки, как сестры.

Колетт улыбается мне широкой, теплой улыбкой, от которой у нее даже образуются едва заметные морщинки в уголках глаз.

– Вот увидите, я буду самой лучшей нанимательницей в мире. У вас никогда не будет такого босса, как я.

От счастья у меня становится тепло в груди. Колетт ласково берет мои руки в свои, а я в это время думаю про Пола – о том, как ругает меня за опоздания. И еще о том, что денег, которые мне платят в «Очаге», мне ни за что не хватит, чтобы чего-то добиться в жизни, даже если я проработаю в ресторане еще десять лет. Нет, мысленно говорю я самой себе, о таком боссе, как Колетт Бэрд, невозможно даже мечтать.

* * *

Когда Джонатан входит в квартиру, я слышу характерное шуршание пластиковых пакетов – в них то, что он прихватил с собой из «Очага». Мой нос улавливает запах помидоров и

чеснока, и от него и от мыслей о белом вине у меня бурчит в животе. Джонатан потряхивает пакетами, и лицо его расцветает радостной улыбкой, словно ему достался самый большой из возможных призов. Он ставит пакеты на маленький карточный столик, которым мы разжились прямо на улице, где кто-то выставил ненужную мебель.

– Ты голодная? – интересуется он.

– Как волк.

Я вскакиваю с дивана и достаю ножи и вилки, пока Джонатан распаковывает пластиковые контейнеры с едой и снимает с них фольгу.

Затем он перекладывает еду в тарелки – кажется, это цыпленок под пармезаном и грибное ризотто. Потом достает фокаччу и говорит:

– За это мне не пришлось платить. Этот заказ приготовили по ошибке. – Джонатан вручает мне тарелку и подмигивает: – Так что можно считать, что это наш трофей.

Я испытываю огромное облегчение при виде еды и немедленно сажусь за стол, хотя толком не понимаю, насколько сильно я проголодалась. Последние несколько часов я провела с телефоном в руках, роюсь в интернете и прочесывая блоги, так или иначе связанные с уходом за детьми – в надежде найти подсказки и понять, что нужно делать, чтобы стать лучшей в мире няней. При этом я совершенно потеряла счет времени и совершенно не думала о еде и о том, что надо бы что-нибудь приготовить на нашей крохотной плите. К счастью, у меня есть Джонатан. Мое сердце наполняется нежностью к нему – он очень заботливый и всегда приносит домой готовый ужин, зная, что я частенько забываю обо всем на свете, решая свои проблемы.

Я успеваю прожевать и проглотить несколько кусков прежде, чем осознаю, что Джонатан выжидательно смотрит на меня.

– Ну, что скажешь? – спрашивает он. – Ты разве не собираешься рассказать мне, как прошел день?

Я смеюсь с набитым ртом, потом прикрываю его ладонью, чтобы прожевать и проглотить очередную порцию пищи.

– Все было замечательно. Она просто чудо.

Джонатан одобрительно хмыкает:

– Замечательно, говоришь?

Он улыбается. При этом брови его выгибаются, образовав две маленькие арки, а на его щеках появляются маленькие ямочки, которые я так люблю.

Джонатан изумляется не меньше моего, когда я рассказываю ему, как провела целый день, сидя в кресле в обществе миссис Бэрд и попивая кофе. Мы с ней проговорили несколько часов – хотя, разумеется, говорила в основном Колетт. Она без конца рассказывала о Пэтти и щебетала о том, как хорошо мы все вместе будем проводить время: по утрам – в игровой комнате, а днем – собирая головоломки. Мне лишь иногда с трудом удавалось вставить хоть слово, но я с удовольствием узнавала, какие именно планы у хозяйки. У нее, судя по всему, их великое множество.

Колетт с такой радостью и энтузиазмом рассказывала обо всем, что касалось ее дочери, что я готова была слушать ее часами. Она действительно любящая мать и с таким интересом наблюдает за Пэтти, обращая внимание на любую мелочь, что видеть это – само по себе огромное удовольствие. Я и сама с нетерпением жду того момента, когда планы миссис Бэрд начнут осуществляться и мы сможем проводить время втроем – она, Пэтти и я.

Когда время подошло к полудню, Колетт извинилась и сказала, что при всем том, что ей очень приятно беседовать со мной, мне совершенно не обязательно оставаться на работе, если Пэтти все равно останется лежать в постели. Я почувствовала укол разочарования, но затем подумала, что все равно приду в дом Бэрдов на следующий день.

Через час я уже была дома, довольная тем, что остаток дня в моем распоряжении и что мне не надо отправляться в «Очаг» и готовиться к долгой и нелегкой смене, а потом, когда она

начнется, без конца носить то и дело сменяющимся посетителям тарелки с картофельными шариками и бокалы с мартини. Освободившееся время я посвятила изучению вопроса о том, что должна делать няня.

– Тебе, похоже, повезло с работой, – говорит Джонатан. – Я почти завидую.

– Не стоит, – отвечаю я, и на мгновение у меня замирает сердце от осознания того, что мой любимый прав – на мою долю действительно выпало редкое везение.

– А с отцом девочки ты уже познакомилась? – с улыбкой интересуется Джонатан.

Я невольно закатываю глаза:

– Нет. Мне сказали, что он очень занятой человек и что с ним мы будем пересекаться нечасто. Но знаешь, вот что странно... – Я склоняю голову набок. – Я думала, что Бэрдам нужна няня по той причине, что оба ее родителя проводят дома мало времени. Однако мать девочки, похоже, большая домоседка. Только не пойми меня неправильно – она просто замечательная женщина, и я очень рада, что буду постоянно с ней общаться. Но, похоже, это означает, что, когда я буду с девочкой, ее мать тоже почти все время будет рядом. – Я бросаю на Джонатана обеспокоенный взгляд: – Тогда какой им смысл нанимать няню?

– Может, она работает на дому и ей нужно, чтобы ее не отвлекали?

Я какое-то время размышляю над словами Джонатана, но в конце концов прихожу к мнению, что его предположение, скорее всего, ошибочно. Судя по рассказам миссис Бэрд о чаепитиях, приготовлении пирожных и раскрашивании картинок, мы с Колетт будем развлекать девочку вместе, сидя на полу в гостиной.

– Нет, я так не думаю, – говорю я наконец. – У меня такое впечатление, что миссис Бэрд будет постоянно находиться в той же комнате, что и мы с Пэтти.

– Что ж, должно быть, это здорово, – говорит Джонатан, жуя. – Выходит, тебе будут платить такие деньжищи за то, что ты будешь просто находиться в комнате вместе с ребенком, а ее мать будет помогать тебе за ним присматривать. Может, к миссис Бэрд часто кто-нибудь приходит? Что, если ты ей нужна для того, чтобы занять девочку, пока она будет общаться с гостями?

Я представляю себе, как Колетт устраивает званый обед для подруг, выступая в роли гостеприимной хозяйки. Надо признать, для этой роли она подходит просто идеально.

И все же я отрицательно качаю головой:

– Не знаю, не знаю. Ну, предположим, что сегодня был необычный день – посвященный формальностям: подписание контракта, разговор с приемным сыном миссис Бэрд, согласование с ним каких-то деталей. Потом, поскольку Пэтти осталась лежать в постели, мы с ее матерью просто сидели и разговаривали. Колетт рассказала мне, что выросла в небольшом городке в штате Коннектикут. Ее родители, и отец, и мать, были школьными учителями, поэтому, когда Колетт была ребенком, больших денег в ее семье не водилось. И это удивительно, если учесть то, как она живет сейчас. Она победила в конкурсе красоты, проводившемся в средней школе, в которой она училась. А потом переехала в Нью-Йорк и стала моделью. С мистером Бэрдом она познакомилась на какой-то вечеринке. Остальное, в общем, понятно.

– Она ведь его вторая жена, верно? Так сказать, жена-приз.

Я бросаю на Джонатана сердитый взгляд:

– Не будь таким злым. Они любят друг друга, – говорю я и вспоминаю, как просияла Колетт, когда заговорила о мистере Алексее Бэрде. Кажется, она сказала, что, как только он вошел в зал, где проводилась вечеринка, она сразу поняла – он самый красивый мужчина из ее окружения. *Мы начали встречаться, и очень скоро он сделал мне предложение.* А вот что она сказала про Стивена: *Как и Паулина, он берет на себя заботу практически обо всем.*

– Выходит, она не классическая злая мачеха?

– Нет, как раз наоборот. Я думаю, она ладит со Стивеном. Они хорошо друг к другу относятся. Не знаю, что там у него с его родной матерью, но у них с Колетт, похоже, все в

порядке. Что-то мне подсказывает, что это не первый случай, когда он организовывал для нее поиск няни. В прошлом году у них уже была одна.

– Вот как? – настораживается Джонатан. – И почему она уволилась?

– Нашла другую работу, или что-то в этом роде.

– Должно быть, это оказалось что-то очень лакомое, если она отказалась от зарплаты, которую теперь будут платить тебе.

Я пожимаю плечами. Колетт практически ничего мне не рассказала о предыдущей няне и о том, почему она ушла, а настаивать я не решилась.

– Если я правильно тебя понял, этому приемному сыну лет тридцать с небольшим? – спрашивает Джонатан, приподняв одну бровь. – И он вроде бы все еще живет с отцом и приемной матерью?

– У Стивена есть собственная квартира, но и в доме Бэрдов у него имеется своя комната, – говорю я и, широко раскрыв глаза, добавляю: – Поверь мне, если бы ты ее увидел, ты бы тоже захотел там остаться.

Глава 7

Сегодня среда. Это мой второй официальный рабочий день, и я очень надеюсь встретиться с Пэтти. Меня наняли на должность няни, и хотя мне было очень приятно общаться с Колетт, я все же очень хотела бы познакомиться с девочкой, за которой, по идее, должна присматривать. Поскольку предполагается, что именно с ней я буду проводить львиную долю моего рабочего времени, мне хотелось бы убедиться, что мы поладим.

– Боюсь, она все еще неважно себя чувствует, – говорит Паулина, когда я вхожу в дом Бэрдов, и мое сердце тревожно екает. Возможно, мои наниматели все же что-то от меня скрывают.

Видимо, на моем лице отражаются закрадывающиеся в мою душу сомнения, потому что Паулина, внимательно посмотрев на меня, говорит:

– Я собиралась попросить Колетт позвонить вам и предупредить, чтобы вы не приезжали, но, когда узнала, как обстоят дела, было уже почти девять, и вы наверняка выехали к нам, так что...

Не закончив фразу, Паулина поворачивается на каблуках, успев послать мне через плечо улыбку, которая, видимо, должна означать, что все будет хорошо. Она ведет меня на кухню и подводит к целому острову из нержавеющей стали, расположенному в центре огромного помещения. На поверхности металлического стола стоит френч-пресс, по самые края наполненный кофе. Паулина берет в руку одну из трех выставленных на стол керамических чашек.

– Сахар, сливки? – спрашивает она. Я киваю, давая понять, что предпочитаю и то и другое, и смотрю, как домработница готовит для меня напиток. Затем она вручает чашку мне.

Оставшиеся две чашки она наполняет черным кофе, причем одну отодвигает на другую сторону стола. Может, это для Колетт?

Однако в кухню входит повар, тот самый, которого я как-то раз мельком уже видела. На нем тот же черный передник, в руках он держит чашу с грейпфрутами. Не поднимая на меня глаз, он берет свою чашку с кофе и отпивает большой глоток.

– Фредди, – говорит Паулина, обходя угол стола, – познакомься, пожалуйста, с Сарой, нашей новой няней.

Взяв повара под руку, домработница жестом просит его поставить чашку на стол и как следует поприветствовать меня.

Я ясно вижу на его лице выражение неодобрения. Похоже, слова Паулины о том, что меня наняли на должность няни, вызывают у него желание рассмеяться и он с трудом сдерживается. Однако, несмотря на его явно недружественное ко мне отношение, я должна признать, что внешне повар Фредди очень привлекателен. Лощеный, стройный и подтянутый, он одет в простую черную футболку и джинсы. Передник, который их частично прикрывает, чистый и тщательно выглажен. У повара короткие, густые волосы с сединой, на лице – очки в модной прямоугольной оправе черного цвета, в одном из ушей – крохотная кольцеобразная сережка.

Мы с Фредди обмениваемся рукопожатием, но зрительного контакта со мной он по-прежнему избегает. Как только у него появляется такая возможность, он разжимает пальцы и отнимает у меня руку. Глядя в пол, он делает шаг назад и снова берет в руку чашку с кофе.

– Да, это наша новая няня, – повторяет Паулина, словно опасается, что Фредди не вполне понял смысл ее слов, когда она представляла меня в первый раз. – Разве не замечательно, что в этом доме снова появится няня, а, Фред? Человек, благодаря которому Колетт и Пэтти будут чувствовать себя счастливыми?

Фредди издает какой-то неясный звук, похожий на ворчание. Наступает неловкая пауза, во время которой мы все потягиваем кофе. Однако Паулина не сдается и продолжает попытки растопить лед:

– Вы ведь тоже знаете ресторанный мир, Сара, правильно я понимаю? – По тому, как домработница сформулировала вопрос, по ее приподнятым бровям и выражению дружелюбного ожидания на ее лице я понимаю, что поддержание беседы дается Паулине нелегко. – Кажется, вы работали в ресторанах в Вирджиния-Бич и в Ист-Виллидж, так?

После этих слов Паулины Фредди немного оживляется.

– Правда? В каких именно? – интересуется он и наконец смотрит мне в глаза. Паулина торжествующе улыбается, поняв, что ее усилия не пропали даром.

– В «Очаге», например, – говорю я, хотя подозреваю, что Фредди о ресторане, где командует Пол, ничего не слышал.

– Нет, звучит незнакомо, – говорит, полностью подтверждая мои опасения, повар, а затем, поджав губы и снова отведя взгляд в сторону, спрашивает: – Это в Ист-Виллидж?

– Да, на Восточной Тринадцатой улице.

И снова по лицу Фредди видно, что эта информация ему ничего не говорит. Я этому не удивляюсь – ведь он, похоже, проводит большую часть своего времени в Верхнем Уэст-Сайде.

– О, – примирительным тоном произносит Паулина, – в этом городе тысячи ресторанов. Невозможно знать все до единого, верно? – И домработница похлопывает мужчину по руке – она явно продолжает искать подходящие темы для разговора: – Фредди просто замечательный повар.

Фредди ни словом, ни жестом не подтверждает слова Паулины. Вместо этого он допивает свой кофе и начинает разрезать грейпфруты пополам на разделочной доске.

Паулина все еще не сдается:

– Он готовит для всей семьи завтрак, обед и ужин, хотя мистер Бэрд обычно ест у себя в офисе. Ну и всякие вкусности для Пэтти. Больше всего она любит клубничные вафли со взбитыми сливками и кексы с черникой. А еще она обожает горячее какао. И спагетти, которое Фредди готовит в огромных количествах. А любимое блюдо Колетт – яйца по-бенедиктински и овощные смузи. Фредди, я всякий раз удивляюсь тому, как много шпината ты в них кладешь. Или это не шпинат, а тосканская капуста? А обед у Фредди бывает больше похож на шведский стол в отеле, чем на набор блюд для трех человек – всего понемножку.

Тут Паулина похлопывает себя по талии и продолжает:

– Но мне это не помогает, потому что я не могу удержаться от искушения и пробую все, что он готовит, еще здесь, на кухне. Фредди может приготовить практически все что угодно. Если хотите, он будет стряпать и для вас. Она обычно будет приходить сюда утром, Фредди, и во время обеда тоже будет здесь. Тебе ведь не составит труда приготовить еще одну порцию для нее – ты ведь делал это, когда здесь работала предыдущая няня.

После этих слов домработницы повар останавливает очередное движение ножа, разрезающего грейпфрут на две идеально ровные половинки. Он даже не пытается скрыть выражение недовольства, которое появляется на его лице.

– Мне за это не платят, – сухо произносит он.

– Да ну, я совершенно уверена, что платят, – со смешком возражает Паулина.

От этого обмена репликами мне становится очень неловко, и ощущение дискомфорта лишь усиливается, когда Фредди снова издает недовольное ворчание, в котором нельзя разобрать ни слова.

– Что вы, не нужно для меня ничего готовить, – говорю я, стараясь дать повару возможность достойно завершить спор и не желая создавать ему дополнительных проблем. Я и в самом деле вовсе не рассчитывала, что он будет что-то для меня стряпать. – Это не входит в условия соглашения.

По крайней мере, я так думаю. Во всяком случае, ни Стивен, ни Колетт об этом не упоминали.

Фредди отходит в сторону. На дальнем конце стола у него стоит компьютер. Повар кликает мышью, и экран монитора устройства начинает светиться. Фредди быстро пролистывает что-то на экране – возможно, это какой-то кулинарный сайт или блог. Затем он возвращается и говорит, что собирается приготовить на обед куриные шницели кордон-блю.

Я снова пытаюсь поймать взгляд Фредди – мне не хочется, чтобы у него возникло какое-то предубеждение против меня еще до того, как мы начали работать вместе, но ничего не выходит. Он явно не хочет на меня смотреть.

Разрезав последний грейпфрут точным движением опытного шеф-повара, он поровну раскладывает половинки фруктов в две миски и подталкивает их по поверхности стола в сторону Паулины.

– Она здесь, рядом, – торжественно говорит он.

Я поворачиваюсь, чтобы, следуя за домработницей, выйти с кухни, но та останавливает меня и, заглянув в мою чашку, говорит:

– Мы всегда допиваем кофе, прежде чем уйти отсюда.

Я смотрю на ее чашку – она действительно пуста. На дне моей еще остается немного напитка. Я смущенно улыбаюсь, Паулина тоже смотрит на меня с улыбкой. В ее глазах мелькает какая-то искорка:

– Ну же, давайте. Мы не должны заставлять Колетт ждать.

Я допиваю остатки кофе и ставлю чашку на стол.

– Приятно было с вами познакомиться, – говорю я, обращаясь к Фредди. Он едва заметно кивает – все его внимание, похоже, сосредоточено на разделочной доске.

Кухня, оказывается, не ограничивается тем помещением, в котором я только что побывала. Колетт находится в примыкающей к ней комнате – видимо, это зона для завтрака. Миссис Бэрд сидит за стеклянным столом овальной формы. На стенах комнаты забавные обои в цветочек. На подоконнике одного из окон стоит горшок с большим растением – кажется, это папоротник.

Когда мы с Паулиной входим, Колетт не вскакивает со стула, чтобы обнять меня, как вчера, но широко мне улыбается – видно, что она очень рада моему появлению, как и миске с разрезанными пополам грейпфрутами, которую домработница ставит перед ней на стол. Колетт посыпает каждую из половинок чайной ложкой сахара, погружает ложку в одну из них и только после этого говорит, обращаясь ко мне:

– Садитесь рядом со мной, пожалуйста.

Паулина, пятясь, отходит к двери, а я опускаюсь на один из стоящих вокруг стола стульев.

Я с восхищением смотрю на Колетт. На этот раз на ней льняные брюки и белая блузка из хлопка с воротничком с острыми углами и пуговицами на манжетах. Я рисовала что-то подобное в своих альбомах – с кантом и фронтальной застежкой, но, конечно, это совсем не то, что вещь, надетая на миссис Бэрд. Вещь, которую она выбрала для сегодняшнего утра в своем гардеробе, изготовлена модным домом «Шанель» – этот бренд легко узнать по запоминающемуся логотипу из букв «С», вышитому в нижней части рукавов.

На губах Колетт красная помада, которую она, похоже, предпочитает.

Я некоторое время наблюдаю за тем, как миссис Бэрд ест, а затем спрашиваю:

– Как себя чувствует Пэтти?

При этом я изо всех сил напрягаю слух в надежде услышать хоть какие-то звуки, свидетельствующие о присутствии где-нибудь неподалеку, в одной из соседних комнат, маленькой девочки – скажем, негромкое покашливание.

– Боюсь, она все еще не совсем здорова, – отвечает Колетт и смотрит на меня. – Понимаете, она очень слабенькая. Если другие дети переносят небольшую температуру или недомогание сравнительно легко и быстро выздоравливают, то Пэтти для этого требуется намного больше времени, подчас несколько дней.

Я ощущаю приступ беспокойства. Не могу сказать, что мне много известно о детях, но температура, которая не проходит в течение нескольких дней, – это ведь не может быть хорошо, верно?

– Может, ей вызвать врача? – интересуюсь я и чуть поворачиваюсь на стуле в сторону Паулины, словно спрашиваю у него совета. Но у домработницы такой вид, что сразу ясно – она несколько не обеспокоена. Может, врач у малышки уже побывал?

– Нет-нет, ничего серьезного – просто небольшое повышение температуры, – говорит Колетт. – Вы бы удивились, если бы узнали, насколько маленькие дети подвержены таким вещам. – Миссис Бэрд снова берет в руки ложку и отдает должное завтраку. – И, кроме того, я терпеть не могу вызывать врача. Он наверняка снова захочет посадить Пэтти на антибиотики и будет пичкать ее каким-то розовым сиропом, который девочку приходится заставлять глотать насильно. Он все время так делает – и все без толку. – Миссис Бэрд сердито хмурится. – Так что я очень не люблю, когда доктор Эдвардс появляется у нас дома. Верно, Паулина? Он просто какой-то червяк. – На лице Колетт снова появляется выражение крайнего недовольства. – А Алекс его обожает. Этот доктор Эдвардс уже много лет лечит нашу семью – от гриппа и от всех прочих болезней, он даже принимал у меня роды, когда Пэтти появилась на свет. Но мне он никогда не нравился – ни чуточки.

– Он всегда пытается помочь – только и всего, – мягко возражает Паулина.

Колетт бросает на нее сердитый взгляд.

– В общем, с Пэтти все будет хорошо – как всегда. Она просто сонная. Ее укусила сонная муха. – Колетт снова поворачивается ко мне: – Вот увидите, она снова станет бодрой и веселой – никто и оглянуться не успеет. Так что я уверена, что завтра вы уже сможете с ней поиграть. – И миссис Бэрд хлопает в ладоши. – Ох, не могу дождаться момента, когда вы с ней познакомитесь. Я знаю, вы с Пэтти прекрасно поладите – как и предыдущая няня. Вы в самом деле напоминаете мне ее...

Тут миссис Бэрд отводит от меня взгляд и устремляет его куда-то в сторону.

– Да, Анна была неплохой няней, – говорит Паулина.

Колетт, словно опомнившись, снова включается в разговор.

– И даже больше того – замечательной, – говорит она, и мне кажется, что эти слова она произносит с усилием.

Я с любопытством смотрю на Паулину. Меня удивляет то, что она, оказываясь, способна высказать мнение, несколько расходящееся с мнением Колетт, – тем более что у разговора о предыдущей няне, похоже, имеется какая-то неизвестная мне, но довольно серьезная подоплека.

– Что? – спрашивает Паулина, поочередно глядя то на меня, то на миссис Бэрд. – Да, Анна была очень приятной девушкой, с этим я не спорю, но я не уверена, что ей по-настоящему нравилась эта работа. Во всяком случае, в тот период, который предшествовал ее увольнению. – Тут уже Паулина, в свою очередь, тоже сводит брови к переносице. А потом, видимо, для того, чтобы прояснить ситуацию, говорит, обращаясь ко мне: – Я не уверена в том, что она действительно хотела работать няней. Для Анны эта должность была средством для достижения ее собственных целей. Ее интересовали только деньги. Поэтому при первой же возможности она нашла другую работу, написала заявление об уходе – и ушла отсюда, только ее и видели.

– И что за работу она нашла? – спросила Колетт. – Напомните мне...

– Кажется, она стала помощницей юриста, – отвечает Паулина, но по ее виду понятно, что она не уверена в том, что только что сказала. – Собственно, я тоже не помню точно. – Домработница пожимает плечами: – Но в любом случае мы относились к ней очень неплохо. Однако она так быстро уволилась и покинула нас, что на какое-то время мы оказались в довольно непростом положении.

– Да, – подтверждает Колетт. – Это было довольно неприятно.

– Все же она проработала здесь с год или около того, – говорит Паулина и улыбается мне с таким видом, словно надеется, что я продержусь в доме Бэрдов дольше. Затем она обращается к Колетт: – Вы ведь, если не ошибаюсь, готовы были предложить ей переехать сюда?

Я с удивлением смотрю на Колетт. Переехать сюда, в дом Бэрдов? Но ведь от меня мои наниматели не ждут этого, так? Нет, апартаменты у них просто изумительные, но у меня имеется собственное жилье, и плюс к этому у меня есть Джонатан. Мой переезд не был оговорен в контракте. Тут я вдруг вспоминаю, что Стивен забыл отдать мне копию договора, хотя собирался это сделать.

– Думаю, ей это было не нужно, – говорит Колетт. – У нее была своя квартира, своя жизнь. Но было бы здорово, если бы она жила здесь и постоянно находилась рядом с Пэтти. Как было бы хорошо, если бы мы все втроем всегда были вместе и нам не нужно было выходить на улицу. – Колетт обменивается улыбками с Паулиной. – Нет, на самом деле, разве это было бы не прекрасно? Удобно, безопасно.

– Да, это было бы очень удобно, – соглашается Паулина.

Я обвожу взглядом зеркальные стены и уникальные картины, висящие по обе стороны от буфета, расставленные повсюду вазы из хрусталя и китайского фарфора с букетами живых цветов. У Бэрдов действительно роскошные апартаменты, но жить здесь мне не хочется. После окончания рабочего дня я хочу уезжать домой, к моему жениху, возвращаться в нашу с ним жизнь.

Я приказываю себе остыть, успокоиться – нет смысла переживать из-за собственных опасений раньше времени и заранее тревожиться по поводу чего-то, что еще может и не случиться. Если бы контракт предусматривал, что я должна жить в доме нанимателей, Стивен бы мне об этом уже сказал. Убеждая себя в этом, я откидываюсь на спинку стула.

Колетт, так и не доев грейпфрут, откладывает ложку и с нотками радостного предвкушения в голосе говорит:

– Пойду искупаю малышку Пэтти.

Глава 8

При этом Колетт никак, ни словом, ни жестом, не дает понять, что я должна следовать за ней. Она просто выскользывает в коридор, оставив меня сидящей за столом. Я вопросительно смотрю на Паулину.

– Вы можете побыть здесь, если хотите, – говорит она. – Это не займет много времени.

С этими словами домработница тоже куда-то направляется – видимо, в ту часть кухни, которую я уже видела. В коридоре постепенно затихает звук шагов Колетт – видимо, она отправилась в другую часть огромного жилища. Я смотрю в ту сторону, куда она ушла. Почему она не попросила меня помочь ей с купанием Пэтти?

– Подождите минутку, – окликаю я Паулину, привстав со стула, и она останавливается. – Может, мне пойти с вами?

– Вам и здесь будет хорошо, – заявляет Паулина и уходит уже окончательно. Я снова опускаюсь на стул.

Откуда-то издали доносится звук льющейся воды – видимо, там наполняют ванну для купания Пэтти.

Затем до меня доносится из кухни звяканье посуды. Я слышу, как Фредди и Паулина о чем-то разговаривают. Вода где-то в дальнем конце коридора продолжает течь мощным потоком – наверное, ванна, в которую она льется, размером с садовый бассейн.

Я медленно поднимаюсь со стула, решив проявить активность и предложить свою помощь в купании Пэтти.

На цыпочках я иду по коридору и ощущаю нарастающее с каждым шагом любопытство. Тихо и быстро прошмыгнув мимо гостиной, той самой, в которой пол застелен темно-синими коврами, и входа в коридор, ведущий, как я полагаю, к кабинету Стивена, я направляюсь в ту часть апартаментов, в которой (я почти в этом уверена) мне уже доводилось бывать вчера в обществе приемного сына миссис Бэрд. Если я не ошиблась, то дверь в конце коридора должна вести в игровую комнату Пэтти.

Однако звук льющейся воды доносится не из конца коридора. Его источник где-то ближе, всего в двух дверях от меня – наверное, это ванная комната девочки. На косяке одной из ближайших ко мне дверей, на высоте примерно трех футов от пола, я вижу стикеры в виде радуги и сердечек, наклеенные на косяк в пределах досягаемости для детских рученок. Вероятно, Пэтти, как и ее мама, любит все украшать.

Дверь слегка приоткрыта, и я слышу голос Колетт, которая напевает и время от времени ласково говорит что-то дочери. Затем раздается смех – наверное, его издает девочка. Колетт снова что-то говорит – на этот раз довольно громко, но я по-прежнему не могу разобрать ни слова из-за шума воды.

Подойдя еще ближе к двери, я все же решаю остановиться и бросаю взгляд вдоль коридора – нет ли где-нибудь неподалеку Стивена, Паулины или Фредди, но нигде никого не видно.

И все же у меня появляются некоторые сомнения в том, что я действую правильно. Мне начинает казаться, что мне не следует быть навязчивой и вмешиваться во все происходящее – по крайней мере, пока. Я все еще не познакомилась с девочкой и меня не представили ей как няню. Наша первая встреча должна произойти иначе – нельзя, чтобы это случилось в ситуации, когда я фактически шпионю за малышкой и пытаюсь пробраться в ее ванную комнату, когда ее купают. Так что, думаю я, самым правильным для меня будет отправиться обратно в то помещение, где в семье Бэрд принято завтракать и где меня попросила побыть Колетт, – тем самым я продемонстрирую, что точно выполняю данные мне указания.

Но мне все же хочется расслышать, что именно говорит Колетт, и я подхожу еще ближе к двери ванной.

– Вода теплая и приятная, Булочка Пэтти. Давай залезай.

Замерев на месте, я улыбаюсь – прозвище кажется мне забавным. Я представляю себе светловолосую девочку со случайно увиденной мной фотографии, стоящую рядом с ванной.

– Давай-давай, тебе понравится. – Смех Колетт звучит, словно серебряный колокольчик. – Ты сразу почувствуешь себя лучше.

Кран перекрывают, звук льющейся воды смолкает и сменяется тишиной. Затем я слышу легкий плеск, как будто сверху в воду что-то долили. Наверное, это ароматная пена, потому что сразу после этого, судя по звуку, Колетт начинает взбивать на поверхности воды пузыри. Затем следует еще один негромкий всплеск – похоже, девочка опустила в ванну руки или ноги.

– Мне так жаль, что ты приболела, – говорит Колетт. – Ужасно жалко, что ты неважно себя чувствуешь.

Я слышу еще несколько всплесков. Пэтти до сих пор не издала ни звука.

Вдруг мне приходит в голову мысль. А что, если девочка вообще не говорит? Может, она глухонемая? Но разве Стивен и другие члены семьи не должны были сообщить мне об этом?

Мне просто необходимо хоть что-нибудь увидеть.

Я подбираюсь еще ближе ко входу в ванную. Щель между дверью и косяком составляет примерно два дюйма. У меня нет сомнений в том, что этого мне будет достаточно, чтобы заглянуть внутрь, не обнаружив себя. Сначала в поле моего зрения появляется Колетт, вернее, ее затылок. Она стоит на коленях у края ванны, которая – я была права – размерами не уступает садовому бассейну. Рукава белой блузки миссис Бэрд закатаны выше локтей. Ее руки погружены в воду. Она слегка наклонила голову, так что мне удастся частично рассмотреть ее лицо. Я вижу, что Колетт улыбается – уголки ее губ приподняты, на щеках обозначились ямочки.

Поверхность воды в бассейне покрыта пузырящейся пеной, и я отчетливо ощущаю клубничный запах жидкого мыла. Чувствуется, что Колетт весьма щедро плеснула его в бассейн.

Я наблюдаю за тем, как миссис Бэрд набирает воду в пластиковый ковшик, поднимает его и выливает обратно. Вверх-вниз, вверх-вниз – женщина повторяет это движение пять или шесть раз подряд.

Затем Колетт немного меняет позу – продолжая сидеть на коленях, она поворачивается в другую сторону. Теперь мне достаточно хорошо виден сам бассейн – или, если угодно, ванна.

Но там никого нет.

Миссис Бэрд льет воду *в пустую ванну*.

В ванной комнате, кроме нее самой, нет *ровным счетом никого*.

Женщина монотонно повторяет одно и то же движение. Ковшик поднимается вверх, затем вниз выливается небольшой водопадик, поднимая брызги и вспенивая пузыри.

От ужаса волосы у меня на затылке поднимаются дыбом. Дрожь волной пробегает по моему позвоночнику, я чувствую неприятный холодок в груди.

Происходящему должно быть какое-то объяснение – и, надеюсь, не то, которое мелькает у меня в мозгу. Маленькая девочка, должно быть, прячется – мне просто пока не удалось ее увидеть.

Так или иначе, Колетт, судя по всему, уверена в том, что она купает ребенка – в этом нет никаких сомнений.

Вот только никакого ребенка в ванной комнате нет.

Глава 9

У меня буквально стынет кровь в жилах, сердце отчаянно колотится.

Колетт говорит сама с собой. Она купает воображаемого ребенка.

Я окидываю взглядом коридор у меня за спиной. Если это и есть то, что Бэрды хотели скрыть, то они очень плохо поработали над тем, чтобы сохранить тайну.

Я пытаюсь расслабить мышцы плеч, которые от нервного напряжения вот-вот сведет судорогой, и убеждаю себя том, что для паники пока нет причин – речь скорее идет просто о недоразумении. Но успокоиться мне не удастся – я снова чувствую, как по спине у меня бегут мурашки.

С кем говорила Колетт?

Мне так жаль, что ты приболела.

Ты сразу почувствуешь себя лучше.

Мне нужно разыскать Паулину. Она прояснит мне все то, что мне необходимо знать. Она работает у Бэрдов дольше, чем кто-либо другой из обслуживающего персонала, – еще с тех пор, когда даже Стивен был ребенком. Она наверняка все мне объяснит за какую-то пару секунд.

Я отхожу от входа в ванную комнату, стараясь ступать бесшумно – мне вовсе не хочется, чтобы Колетт что-нибудь услышала и, взглянув в сторону двери, заметила меня.

Вдруг я на кого-то натываюсь. Это Паулина. Она стоит в центре коридора, словно статуя, уперев руки в боки. Она, конечно, замечает у меня на лице выражение испуга и изумления. За спиной у меня по-прежнему слышны плеск воды и певучий голос Колетт, время от времени прерываемый мелодичным смехом. Она мгновенно сопоставляет все это, и ее глаза широко раскрываются. Она громко вздыхает и впивается в меня взглядом.

Я жду, когда домработница скажет что-нибудь, что даст мне хоть какое-то объяснение происходящему, но она не произносит ни слова. Молчание становится гнетущим.

– Что здесь происходит? – спрашиваю я.

Паулина ничего не отвечает, но на лице у нее появляется какое-то странное выражение, которое я не в состоянии как-либо истолковать.

– Я пошла обратно, – с трудом выдавливаю я из себя, и мне очень хочется каким-то чудесным образом стереть из своей памяти все то, что происходило в течение последних пяти минут.

Однако Паулина хватается за руку, и у меня холодеет в животе от страха. Что она собирается делать? Объяснить мне, что происходит? Или это выражение на ее лице, которое я не в состоянии расшифровать, означает, что сейчас она затащит меня в ванную комнату и, поставив перед Колетт, потребует, чтобы я с ней объяснилась?

Однако, вопреки моим ожиданиям, взгляд домработницы смягчается.

– Ничего, все в порядке, – спокойно говорит она. – Вам не обязательно убегать отсюда. Я догадывалась, что вы, должно быть, любопытны.

Я вздыхаю с облегчением. Назвать меня *любопытной* в этой ситуации – это весьма мягкое и деликатное выражение.

Понизив голос из опасений, что меня может услышать Колетт, находящаяся совсем неподалеку, за дверью ванной комнаты, я говорю:

– Понимаете, я услышала шум воды и подумала, что смогу помочь с купанием. Но я могу пойти обратно в...

Я снова пытаюсь освободиться и делаю шаг в том направлении, где, по моим расчетам, находится кухня. На этот раз Паулина отпускает мою руку.

– Ну конечно, моя дорогая, – говорит она с улыбкой. – Вы не из тех, кто станет сидеть на месте сложа руки. Мне это стало понятно, как только я вас увидела. Я уверена, что Стивен и Колетт именно поэтому вас и выбрали. И я бы сделала то же самое.

– Да, вы правы.

Мне приятен комплимент домработницы, но я все еще не могу избавиться от ощущения тревоги и неловкости. Плеск воды за дверью ванной комнаты стихает. Колетт явно перестала черпать воду ковшиком из бассейна и выливать ее обратно. Может, она нас услышала? Интересно, она знает, что мы с Паулиной здесь, совсем рядом?

Дверь ванной открывается, и Колетт выходит в коридор. Свет ламп в ванной комнате, отразившись в зеркалах, образует золотистое сияние вокруг ее головы. Взглянув на меня, она опускает закатанные рукава блузки. Я вижу на белой хлопчатобумажной ткани чуть выше талии несколько темных пятен – туда, должно быть, попали брызги воды. Еще одно влажное пятно расплывается на уровне колен по льняным брюкам миссис Бэрд.

– Сара? – восклицает она с некоторым удивлением.

– Извините, я просто хотела вам помочь – я ведь знаю, что Пэтти не очень хорошо себя чувствует.

Сделав шаг в мою сторону, Колетт произносит фразу, которая меня очень удивляет:

– Вы хотите с ней познакомиться?

Я чувствую, что совсем запуталась, и на меня накатывает волна смущения. Значит, Пэтти все-таки здесь. Наверное, я просто не разглядела ее из-за густой пены.

Колетт толкает дверь, петли которой издают негромкий скрип. Я шагаю через порог, Колетт отходит в сторону, чтобы дать мне возможность без помех пройти внутрь ванной комнаты.

Я смотрю вперед, готовая поздороваться с девочкой.

Глава 10

Но Пэтти в ванной комнате нет – я вижу только ванну-бассейн, по самые края наполненную водой с пузырящейся на ее поверхности пеной. И никакой девочки.

– Миссис Бэрд... Я не понимаю... – Я смотрю на Колетт в надежде получить от нее какие-то объяснения. – Где же Пэтти?

Колетт в ответ смеется и бросает на меня игривый взгляд, словно она вот-вот ущипнет меня за руку и воскликнет: «Сюрприз! Мы над вами подшутили!» А потом откуда-нибудь из-за двери появится маленькая симпатичная девчушка. Если бы так случилось, я почувствовала бы себя душой, но зато вздохнула бы с облегчением.

Но ничего подобного не происходит. Вместо этого Колетт говорит:

– В чем дело? Разве вы ее не видите? – Улыбка на лице миссис Бэрд становится еще шире. – Она вон там.

Я смотрю в бассейн, и у меня опять холодеет в животе. В воде нет ничего и никого, кроме пены.

Колетт прикасается к моей руке, и от этого у меня по коже волной бегут мурашки.

– Она там, – повторяет Колетт.

* * *

Появляется Стивен – он возникает рядом с нами совершенно неожиданно. Похоже, Паулина каким-то образом вызвала его из кабинета. Он отталкивает меня в сторону, и я без труда различаю в его глазах беспокойство. С мертвенно-бледным лицом он увлекает меня по коридору прочь от злополучной ванной комнаты.

Когда мы оказываемся в его кабинете, он тяжело опускается в кресло, стоящее у стола.

– Пэтти не существует, – прямо заявляет он.

Для меня это настолько неожиданно, что в первый момент мне кажется, что я ослышалась.

– Простите, что вы сказали?

– Ее не существует. То есть она существовала. – Стивен морщится и опускает глаза. – Но ее больше нет. Она умерла, когда была еще совсем маленькой. Ей было всего три годика.

У меня перехватывает дыхание. Я слышу Стивена, но мой мозг не в состоянии воспринять смысл его слов. Он тем временем продолжает:

– Это случилось уже давно. Но Колетт после этого так и не стала прежней. Моя мачеха... – Стивен бросает взгляд на дверь кабинета, словно у него вдруг возникают опасения, что миссис Бэрд последовала за нами и теперь подслушивает наш разговор. – Она очень многое пережила. – Приемный сын миссис Бэрд снова переводит взгляд на меня: – Это было очень тяжело для всех.

Я хватаю ртом воздух, словно рыба, вытщенная из воды, – из-за спазмов в груди каждый вдох дается мне с огромным трудом.

Ничего не понимаю.

Что это значит – она не существует? Слова, сказанные Стивеном, пронзают мой мозг, но я по-прежнему не в силах произнести ни звука.

– Она была еще совсем крохотной, когда тяжело заболела. Врачи сказали, что это какое-то инфекционное заболевание, очень заразное. Нам даже не позволили с ней попрощаться. После того как девочка умерла, никого из нас не допустили даже к ее телу. Колетт все это убило. Она была вне себя от горя. Она не хотела верить, что Пэтти больше нет, – просто отказывалась

это признать, и все. Мы все поначалу были просто не в состоянии это осознать. Девочка все время была с нами, смеялась, играла – и вдруг такое... Смерть моей сестренки... она была еще такая маленькая.

Я с трудом улавливаю и понимаю то, что говорит Стивен. У меня возникает ощущение, что мои уши забиты пробками из ваты – голос Бэрда-младшего звучит глухо. В какой-то момент у меня возникает желание попросить его замолчать. Но уже слишком поздно. Слишком много уже сказано, и теперь он ждет от меня понимания.

Но если девочка умерла... если ее нет на свете... тогда с кем разговаривала Колетт?

Кто был вместе с ней в ванной комнате?

И что я делаю здесь, в доме Бэрдов?

Однако, вместо того чтобы задать Стивену все эти вопросы, я задаю только один:

– Когда это случилось?

Мне с трудом удается заставить себя артикулировать слова.

– Почти двадцать лет назад. Пэтти умерла незадолго до своего четвертого дня рождения.

Двадцать лет назад? Стивен на самом деле сказал это или мне показалось? Девочка умерла двадцать лет тому назад?

Я поднимаю руку, прося Стивена сделать паузу:

– Подождите минутку. Вы хотите сказать, что Колетт уже двадцать лет делает вид, что ее дочь жива?

– Она вовсе не делает вид. Ей кажется, что это в самом деле так, что она видит Пэтти. И там, в ванной, для Колетт Пэтти тоже была рядом с ней.

Стивен произносит эти слова так тихо и спокойно, что мне требуется несколько секунд для того, чтобы их осознать.

Итак, девочка умерла в трехлетнем возрасте, но Колетт уверена, что видит свою дочь и что она остается рядом с ней. То есть она уверена в том, что Пэтти жива. И она всерьез ожидала от *меня*, что я разгляжу ее дочь в бассейне в облаке мыльной пены.

Тот образ Колетт, который успел сложиться в моем сознании, разлетается вдребезги. Ее пленительной красоты лицо, изящество, элегантность, ее царственная походка, ее невероятно притягательная улыбка, ее гардероб от модного дома «Шанель», жизнь в роскоши, беззаботные игры с дочерью – все это лишь фасад. Мираж. Она просто лишилась рассудка. Вся ее жизнь с дочерью – всего лишь иллюзия.

Я поражена услышанным, но главное – мое сердце буквально разрывается от жалости и сочувствия к Колетт.

Она нанимает нянь, потому что думает, что Пэтти нужна няня. Все в доме понимают, что это не так, но мирятся с этим и подыгрывают Колетт.

Нет, все подписали контракт, так что им *приходится* это делать – их просто купили за высокую зарплату. У меня начинают гореть щеки при мысли о том, как быстро я сама согласилась на эту работу, как мало задала вопросов. Хорошие деньги, бесплатная кормежка блюдами для гурманов – бог знает какими еще привилегиями соблазняют Бэрды свой обслуживающий персонал, чтобы люди молчали и играли в их игру.

– О боже, – шепчу я, и руки мои бессильно падают на колени. В голове у меня творится полный кавардак, пульс учащается тем сильнее, чем полнее я осознаю сложившуюся ситуацию.

С Пэтти не нужно играть и рассказывать ей сказки, она не нуждается в мороженом. Ей не приходится есть ненавистное ей арахисовое масло, и кататься с горок-туннелей она вовсе не боится.

Потому что Пэтти мертва.

Неудивительно, что в объявлении было сказано, что *конфиденциальность – важнейшее требование*. Ясное дело! Нельзя, чтобы подобная информация стала общеизвестной. И теперь

понятно, почему Колетт или, вероятнее всего, Стивена, который занимался подбором няни, не интересовало, есть у меня соответствующий опыт работы или нет.

Потому что настоящая няня Бэрдам не нужна.

Поскольку нет Пэтти, ребенка – объекта за которым нужно было бы присматривать.

А если нет объекта, значит, по идее, не должно быть и работы.

Мне становится больно. Больно за того, с кем я никогда не была и не могла быть знакома. За маленькую девочку, которая, если бы у нее был шанс вырасти, сейчас была бы всего на пару лет младше меня. Ей не суждено было увидеть и узнать столько всего! Пэтти умерла двадцать лет назад, и для своих родственников она так и осталась малышкой, которой скоро исполнится четыре. Я продолжаю то и дело задаваться вопросом, сколько же лет миссис Бэрд. Выглядит она очень молодо, и вполне можно было бы предположить, что у нее еще нет ребенка, что она, как многие жительницы Нью-Йорка, не торопится заводить детей и собирается сделать это в тот момент, который покажется ей наиболее подходящим. Но мне и в голову не приходило, что она стала матерью больше двадцати лет назад.

Итак, если маленького ребенка в семье Бэрд нет, что это может означать лично для меня? Что подразумевает работа няни в такой ситуации? Ясно, что речь не о том, чтобы помогать маленькой девочке завязывать шнурки или расчесывать ей волосы. И не о том, чтобы убирать за ней игрушки, наводить порядок в ее комнате или успокаивать ее, если она раскапризничается. Пэтти не нужен кукольный домик и альбомы для раскрашивания – развлекать ее мне тоже не придется. Напрасно я рисовала в своем воображении, как буду водить ее на чаепития в заведение неподалеку от Коламбус-Сёркл и как мы с ней будем нарезать ломтиками кексы, покрытые глазурью всех цветов радуги. Все эти мечты тают, словно дым. Мне не придется переводить девчужку через дорогу, держа ее за руку и чувствуя в своей ладони ее крохотные пальчики.

Ничего этого не будет.

Глава 7

– Я знаю, что все это кажется каким-то безумием, – говорит Стивен. Я с трудом сглатываю. *Безумием?* Да, можно сказать и так. – Но понимаете, для Колетт это единственный способ как-то справляться со всем этим. Только это удерживает ее от госпитализации в психиатрическую больницу. – Мой собеседник прищуривается, стараясь скрыть душевную боль. – Смерть Пэтти чуть не уничтожила ее. Она почти потеряла рассудок. Это было просто ужасно – ее то клали в лечебницу для душевнобольных, то выписывали, потом опять клали, и так без конца. В течение нескольких лет мы не знали, сможет ли она когда-нибудь оправиться от случившегося. – Стивен бросает взгляд на меня: – Я представляю себе, о чем вы думаете. Что все это неправильно. Вам трудно понять, как мы могли сочинить все это, как такое вообще возможно – сплошной самообман, какие-то фантазии. Вы не понимаете, как все это может помочь Колетт. Но это работает. И это лучше, чем то, что было бы без этих иллюзий.

Стивен, сделав небольшую паузу, несколько раз быстро моргает, чтобы сдержать слезы, а затем продолжает:

– Да, это неправильно, но это помогает и всем нам. Колетт много раз пыталась покончить с собой. Если бы она убила себя, мой отец этого бы ни за что не пережил. Потеряв Пэтти, он не может потерять еще и Колетт. Так что мы нашли единственный выход, позволяющий ей жить дальше.

Стивен снова умолкает. Я жду, что он опять заговорит, но он не произносит ни слова. Вероятно, дает мне время, чтобы прийти в себя после всего того, что он только что на меня обрушил, а заодно и самому восстановить душевное равновесие. Похоже, то, что он только что мне рассказал, поделившись самым сокровенным для семьи Бэрд, и его самого выбило из колеи. Он наверняка не рассказывал об этом никому – кроме людей из обслуживающего персонала.

Пауза затягивается, и я прерываю ее:

– Даже не знаю, что вам сказать, – с трудом произношу я, и это на самом деле так. То, что поведал мне Стивен, – самая дикая и абсурдная вещь из всего, что мне когда-либо приходилось слышать. Ничто не могло меня к этому подготовить – ни несколько странный текст объявления о найме, ни то, как вела себя Колетт во время собеседования, ни даже тот факт, что даже на второй день работы няней в доме Бэрдов я не могла познакомиться с ребенком, за которым должна была присматривать.

Вдруг меня снова осеняет, и я цепенею. Значит, во время собеседования никакой девочки за креслом не было. Там не было вообще никого. Выходит, Колетт разговаривала сама с собой.

Может, меня наняли потому, что я оказалась настолько глупой, что приняла все за чистую монету? Или по той простой причине, что я сразу же прониклась симпатией к Колетт и не стала подвергать сомнению все то, что мне рассказали? Должно быть, Стивен счел меня тупой и находящейся в отчаянном положении, а я своим поведением лишь подтвердила его правоту.

Мне хочется встать и броситься прочь, но я усилием воли подавляю это желание и остаюсь сидеть, чувствуя, что у меня дрожат руки и ноги. Голова у меня, кажется, тоже трясется – настолько чудовищно для меня все то, что я узнала. Оказывается, девочка давно мертва...

Я глубоко вздыхаю и, набравшись смелости, задаю вопрос:

– И об этом знают все, кто есть в доме?

Стивен кивает, подтверждая мои подозрения.

Я вспоминаю, как Паулина в первый день чуть не обняла меня, как она похлопала меня по плечу, и внезапно чувствую, как в душе у меня поднимается волна гнева. Меня вдруг охватывает возмущение: выходит, все, включая домработницу, водили меня за нос и лгали мне в

лицо. Да как они посмели? Как *она* посмела? Она пообещала, что мне все понравится. А я ей поверила.

А эластичный браслет у нее на запястье? Может, она носит его, чтобы контролировать себя и не показывать своей тревоги, каждый день общаясь с Колетт?

А Фредди? Я невольно вспомнила его хмурое лицо и его равнодушное отношение ко мне, когда нас с ним познакомили, представив меня как новую няню. Наверное, это оттого, что он прекрасно знал – никакая няня Бэрдам не нужна. Пожалуй, неудивительно, что он такой мрачный и неприятный тип. Должно быть, ему не нравится, что он зря тратит свое драгоценное время, готовя для Пэтти клубничные вафли, но тем не менее он притворяется, как и все остальные.

Я снова ощущаю душевную боль – мне трудно примириться с той реальностью, которую мне только что обрисовали. *В доме нет ребенка, который нуждается в присмотре.*

Я скрещиваю ладони так, как это делают баскетбольные тренеры, когда хотят взять тайм-аут. Тем самым я даю понять Стивену, что мне хочется прояснить еще кое-какие моменты.

– Значит, вы все участвуете в этой игре? То есть позволяете Колетт думать, что ее дочь жива? Выходит, вы, чтобы она продолжала жить иллюзией, нанимаете в дом няню, то есть меня? И что, интересно, я должна, по-вашему, делать? Подыгрывать вам? Бедная Колетт. Она, похоже, ни о чем не догадывается.

Стивен явно хочет перебить меня, но я не даю ему этого сделать и продолжаю говорить, чувствуя, как мой гнев нарастает и начинает брать верх над рассудком:

– Няня вам не нужна – а значит, и в моих услугах вы не нуждаетесь. Вот что, милые мои, вам всем необходим врач. И *ей* тоже. Да-да, Колетт нужна серьезная помощь. Кто-то, кто будет заботиться о ней и думать о том, как сделать так, чтобы ей стало лучше. Она этого заслуживает. – Я чувствую, что вот-вот разрыдаюсь, на глазах у меня наворачиваются слезы, но я смотрю прямо в лицо Стивену: – И вы творите все это уже целых двадцать лет? Вы что, рехнулись? Вы представляете себе, какой вред вы ей этим причиняете?

У меня перехватывает дыхание. Похоже, я зашла слишком далеко, сказав то, что не должна была говорить своему нанимателю. Но вправе ли он винить меня за это?

– Как же так вышло, что вас никто не остановил? – интересуюсь я. – Как вам удалось скрыть это ото всех?

– Контракт, – коротко бросает Стивен.

У меня холодеет сердце.

Я опускаю взгляд и смотрю на стол, куда мой собеседник вроде бы положил подписанный мною договор, но документа там больше не вижу. Я очень хорошо помню, что на его последней странице стоит моя аккуратная, разборчивая подпись, выполненная шариковой ручкой. И еще там проставлена вчерашняя дата. Это подтверждение того, что я согласна со всеми пунктами, прописанными выше.

– Вы так и не вернули мне второй экземпляр, – напоминаю я собеседнику.

Надо отдать ему должное – на его лице появляется смущенное выражение.

– Извините, мне очень жаль. Я действительно собирался это сделать, – говорит Стивен и бросает взгляд на один из выдвижных ящиков, запертый на ключ. – И, конечно же, я это сделаю.

– В контракте нет ничего о том, что я только что узнала.

– Вы просто недостаточно внимательно его прочли.

Я чувствую, как кровь приливает к моему лицу и шее.

– Что ж, вам следовало мне обо всем рассказать. А вы мне солгали. Вы ждали момента, когда я все подпишу и отказываться будет уже поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.